

A watercolor illustration of two men sitting on a boat at night. The man on the left is wearing a brown jacket and a light blue shirt. The man on the right is wearing a dark jacket and a green shirt. A lantern is lit on a table to the right, casting a warm glow. The background shows a dark sea under a night sky with a faint orange glow on the horizon. The illustration is framed by a decorative border at the bottom.

ИВАН ЮРОВ

ИСТОРИЯ
МОЕЙ ЖИЗНИ

ПАВЕЛ ЗАЙЦЕВ

ЗАПИСКИ
ПОЙМЕННОГО
ЖИТЕЛЯ

Павел Зайцев

**История моей жизни.
Записки пойменного жителя**

Арт-Холдинг «Медиарост»

1935, 1970, 1990

УДК 82-94

Зайцев П. И.

История моей жизни. Записки пойменного жителя /
П. И. Зайцев — Арт-Холдинг «Медиарост», 1935, 1970, 1990

ISBN 978-5-6048617-0-7

Издание объединяет два документальных текста – подлинные свидетельства драматической истории первой половины XX века. В центре повествования крестьянина Вологодской губернии Ивана Юрова (1887–1954) – выпавшие на его долю испытания в период Первой мировой войны, революции и коллективизации. Главная тема мологского крестьянина Павла Зайцева (1919–1992) – поэтический мир сопричастной человеку природы Молого-Шекснинской поймы – «мощного живительного родника», навсегда утраченного при создании Рыбинского водохранилища в 1930–1940-е годы. Книга предназначена для широкого круга читателей, углублённо интересующихся сложной и противоречивой историей России XX века. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 82-94

ISBN 978-5-6048617-0-7

© Зайцев П. И., 1935, 1970, 1990
© Арт-Холдинг «Медиарост», 1935,
1970, 1990

Содержание

Иван Юров. История моей жизни	6
Предисловие Леонида Юрова – сына автора	6
Часть 1. До женитьбы	7
Дошкольный возраст	7
Школьный возраст	8
Становлюсь работником	11
Семейный раздел	15
Путешествие и поиски места	17
В Питере	24
Дома	30
Второе путешествие	37
Возвращение	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Павел Зайцев, Иван Юров
История моей жизни.
Записки пойменного жителя

© Издательство «Медиарост», 2023

Иван Юров. История моей жизни

Предисловие Леонида Юрова – сына автора

Автор этих записок – мой отец – уже шестой год покоится на кладбище города Сокол Вологодской области рядом с моей матерью, умершей годом раньше его. Еще перед его смертью, взяв на хранение записки, я решил переписать их на машинке, чтобы те, кому доведется их читать, легче могли это сделать. К тому же рукопись из-за плохой бумаги сохранится недолго.

Предприятие это при моей машинописной квалификации нелегкое – в рукописи 25 тетрадей разного формата, – и я его долго откладывал. Теперь – пора. Недавно мне минуло 50. Отец к этому возрасту уже закончил свои записки, он не предполагал, что проживет еще 27 лет. Эти годы остались неописанными. Может быть, когда-нибудь это сделаю я, если сумею и успею¹.

В ходе переписки я буду вносить в авторский текст лишь минимальные, необходимые поправки да расставлять знаки препинания, которых автор почти не употреблял.

С тем начну.

Леонид Юров, Ярославль, 1 февраля 1970 года

Написал я историю своей незадачливой жизни для сына своего Леонида.

Кроме этого мне нечего тебе оставить.

Я лщу себя надеждой, что когда-нибудь в часы досуга ты без особой скуки согласишься посмотреть мои записки. Тут ты увидишь не только историю моей жизни, но и историю прошлой жизни нашего глухого угла, которую я старался изобразить возможно понятнее и правдивее².

Иван Юров, Архангельск, 1935 год

---

¹ Леонид Юров сделал это позднее, см. главу «Последние годы. 1935–1964». (Ред.)

² Рукопись «История моей жизни» хранится в семье Юровых в Ярославле в виде четырех тетрадей с машинописным текстом, фотографиями разных лет, вырезками из газет. При подготовке к изданию исключена большая часть стихов, написанных автором в плену. Были сокращены главы «У сына. Конфликт» и «Последние годы. 1935–1964». Редакторские правки основной части текста были незначительны и носили в основном технический характер. Сохранена в целом не только стилистика автора, но и особенности написания им отдельных слов. Значительно более объемная работа касалась примечаний-сносок. Часть примечаний сделал сам Иван Юров – они обозначены пометкой «авт». При создании машинописной версии сын автора Леонид Юров включил в текст ряд своих комментариев. Они обозначены в сносках пометкой «Л. Ю.» Примечания, сделанные в ходе подготовки к настоящему изданию, обозначены пометкой «ред». В них объясняются реалии, исчезнувшие из повседневной жизни за время, прошедшее после завершения работы над рукописью Л. И. Юрова. Кроме того, в примечаниях редактора представлены сведения, позволяющие лучше понять текст, содержатся некоторые исторические, географические и хронологические пояснения. В ряде случаев установить места и даты описываемых событий можно лишь предположительно. Большинство событий истории Нюксенского района в примечаниях даны по книге В. П. Сумарокова «Летопись земли Нюксенской», Вологда, 1995. (Ред.)

Часть 1. До женитьбы

Дошкольный возраст

Младенчества своего я, конечно, не помню, поэтому о нем будет кой-где упомянуто со слов матери. Она рассказывала мне, что родила меня в хлеву³. Родился я с большой, распавшейся начетверо головой, и мать долго боялась, что череп не срастется.

Роды были тяжелые. Мать, впадшую в обморок, из хлева перенесли на мост⁴ и уже решили, что она умерла. Но когда моя бабушка, мать отца, Варвара сказала: «Ведь умерла баба-то», мать, придя в сознание и услышав эти слова, спросила: «Кто, матушка, умерла?» Тут бабушка рассмеялась и ответила: «Ты умерла. Мы ведь напугались, думали, что ты уж не жива».

Но мать осталась жива и после этого родила еще мне двух сестер и двух братьев, да до меня сестру и брата. Но первый ее мальчик Павел помер десяти недель от роду, а остальные мы – три сестры и три брата – остались живы и росли на радость и горе матери.

Я не говорю об отце, потому что не знаю, мог ли отец мой чувствовать и радость, и горе. Для всех нас он был только страшилищем, а также и для матери. Мать была им запугана, колотил он ее не только пьяный, но и трезвый, она всегда трепетала перед ним.

Когда он был дома, все были подавлены, ни разговоров, ни шуток не было. Я не помню ни одного случая, чтобы он подозвал кого-нибудь из нас и приласкал. И мы все, в свою очередь, старались всячески избегать его, не попадать ему на глаза.

Кроме отца, матери, бабушки и нас – трех братьев и трех сестер – в семье еще был дядя Николай или, как мы его звали, «дедя Миковка». Он, хотя и брат отцу, но нисколько не был на него похож, был человеком отменно мягкого характера. Мы все его любили и когда стали ходить на работу, то старались попадать на работу с ним и, наоборот, всячески ухитрялись не попадать с отцом. У дяди была жена Анна Спиридоновна, у них было двое детей. Также был дядя Павел (а мы звали «дедя Пашко») с женой Анной Григорьевной, у них также было к тому времени двое детей. И был еще дядя Михаил, но я его очень плохо помню. Когда его взяли в солдаты, помню только, что в последний день прощания по этому случаю было наварено пива и куплено вина: пировали, а потом прощались, все целовали дядю. Я сидел в это время на полатах, меня кто-то оттуда снял на руках, поднес к дяде, и он меня поцеловал, при этом его бритые усы меня укололи. Служил дядя во Владивостоке и вернулся уже после того, как мой отец отделился от братьев.

Семья была большая, но трудоспособных было меньше, чем «объеди» – так звали нас бабушка и другие за то, что мы еще не могли работать, а ели.

Бабушка, когда мы просили есть, часто говаривала: «Ой, робята, робята, выедите вы у отцов брюшины⁵».

Но такие опасения бабушки были необоснованны: хлебом наша семья была чуть ли не всех богаче в нашей деревне Норово⁶. Были в деревне бедняки: Микита Кривой, Митька Клипик, Лёва и другие; они, я помню, брали займы у нас хлеб, чтобы дотянуть до свежего. Бабушка потом, когда они в горячую рабочую пору не шли по первому зову отработывать, все ругалась, что, мол, их вот жалей, а они не хотят послушаться.

---

³ Автор родился 20 мая 1887 года. (Ред.)

⁴ Так называются в наших местах сени. (Авт.)

⁵ То есть животы. (Авт.)

⁶ Норово – деревня в Нюксенском районе Вологодской области. По переписи 2002 года население – 15 человек. (Ред.)

На работу я стал ходить раньше, чем в школу. Помню, как первый раз ходил жать. Жали в тот день всей семьей в ближнем поле, в «Подугорье». Я не знал еще разницы между суслоном и снопом⁷ и, когда пришли домой ужинать, я бабушке похвастал, что нажал три суслона, а сестра моя Марика внесла поправку: «Не суслона, а снопа». Все засмеялись. Я немного сконфузился и с этого времени твердо усвоил, что называется снопом, а что – суслоном. Помню еще, как первый раз ходил снимать лен. Ходили тогда только бабы, «мужик» с ними был один я. Кроме матери, двух теток и сестры Марики была еще казачиха (батрачка) Ольгуха. Как я работал в тот день – не помню. Помню только, что, когда шли на работу, я уставал и тянулся сзади, а мать мне советовала бежать впереди, так как, мол, это легче: позади, говорит, идешь – все равно как судно волокёшь.

Был я тогда в сапожках новеньких, но больше я тех сапожек не запомнил, а уж потом у меня сапог не было лет до пятнадцати. Да и 15-летнему мне отец купил сапоги поношенные, с большого мужика, за полтора рубля. В них я потом и уехал в 1904 году в первый раз «на чужую сторону» – так говорили тогда, если уезжали куда-нибудь в город жить или на заработки.

Престольные праздники⁸ я и любил, и боялся их. Боялся потому, что отец, когда напи-вался, становился еще страшнее и часто бросался на мать драться. А любил потому, что к празднику пекли много пряженников, витушек, дрочён⁹ – можно было вволю поесть. И еще потому, что некоторые гости привозили нам – ребятам – гостинцев: пряников, конфет, а некоторые давали и денег копейки две или три, которые были для нас большой радостью.

Рядом с нами сосед имел мелочную лавку. Звали его почему-то Тяпушонок. Вот к этому Тяпушонку мы и мчались со своими копейками, покупали суслеников (пряников) или закусок (конфет), тех и других за копейку давали по три штуки.

Бабушка наша слыла за «богобоязную» старушку, была степенная, пользовалась уважением соседок и даже соседей-мужчин. Она любила рассказывать нам, особенно мне (когда мы сидели в летнее время дома одни) о кончине мира, об Антихристе, о Страшном суде. Я был очень внимательным ее слушателем и часто дрожал от ужаса. Ее рассказы о том, что перед «последним временем» загорит земля, реки пересохнут и т. п. привели к тому, что я в засушливое лето, видя, как пересыхает наша речка Городишна, цепенел от мысли, что уже наступает конец мира, а видя дым лесных пожаров, отчаянно ревел.

Дошло до того, что меня начали дразнить: «Ванька, угор¹⁰ горит, реви!» Но мне было не до шуток, я чувствовал невыразимый ужас перед надвигающейся гибелью. Наводил на меня страх и слишком продолжительный дождь: я боялся потопа.

Вот так вместо радостного детства я с того самого времени, как начал сознавать себя, был отравлен ужасом и недетской заботой. Я боялся лета с его грозами, дождями, засухами и радовался началу зимы, когда всего этого не бывает.

Школьный возраст

Школа была одна – при церкви, приходская¹¹. Однажды, когда мне было 7 лет, я на огороде помогал убирать картошку. Бабы копали ее, а «дедя Миковка» относил мешки домой.

---

⁷ Сноп – связка сжатых стеблей с колосьями. Суслон – несколько снопов, поставленных в поле для просушки колосьями вверх. (Ред.)

⁸ Престольный праздник – праздник в честь святого или церковного события, во имя которого освящен храм, главный праздник храма. (Ред.)

⁹ Пряженник (пряженец) – род печенья, лепешка на масле; витушка – булка витой формы; дрочёна – блюдо из муки, яиц и молока, похожее на омлет или лепёшку. (Ред.)

¹⁰ Угор – гора, склон. (Авт.)

¹¹ Деревни Норowo и Нюксеница входили в приход Богоявленской церкви села Устья Городищенского. Приходская Усть-Городищенская школа, где учился автор, была основана в 1860 году. Обучение в церковно-приходских школах вели церковнослужители и учителя, окончившие церковно-учительские школы и епархиальные училища. (Ред.)

Вернувшись в очередной раз с порожним мешком, дядя сказал: «Ванька, там учитель пришел, в училище записывать».

От этих слов я пришел в ужас. Дело в том, что об учителе Максиме я уже много слышал, что он очень больно бьет и до крови рвет за уши учеников. На мое счастье, меня в ту осень в школу не отдали.

На следующую осень, в 1895 году, когда мне шел девятый год, я вместе с другими ребятами нашей деревни пошел записываться в школу. Учителя Максима уже не было, записывал нас дьячок¹², или, как у нас говорили, «дечок». Звали его Никандр Васильевич Покровский – длинный, с большой черной бородой, по подряснику надевал широкий вышитой пояс, говорил, заикаясь, но пел хорошо.

Когда он меня спросил, как зовут, я, не соразмерив своего голоса, ответил слишком громко: «Иван Юров!» Все засмеялись, а я за свой промах почувствовал себя неловко.

На другой день нам выдали буквари и показали первые три буквы – О, С, А. Я их усвоил сразу, хотя до школы не знал ни одной буквы, и, радостный, придя домой, поспешил похвалиться матери и бабушке, что умею читать. А в доказательство прочитал им не один раз написанное в букваре слово «оса». Они, конечно, меня похвалили, но сам я был не удовлетворен: мне хотелось читать еще, одного этого слова показалось слишком мало.

И крайне был я удивлен, когда на следующий день оказалось, что многие мои товарищи урока не выучили, заданные буквы забыли. Меня же «дечок» похвалил. Так я положил начало своей учебе и очень ее любил.

Мне все легко давалось, кроме чистописания¹³, поэтому и «дечок», и следовавшие за ним учителя никогда не бранили меня и не наказывали. Но плохо оказалось то, что они меня, как надежного ученика, очень редко спрашивали, это приучило меня совсем не готовить уроки. Особенно потом приходилось жалеть, что я не поучился грамматике и не получил навыка работать над самообразованием.

Вторую половину первой зимы нас учил деревенский парень, сам только чуть грамотный, Попов Василий Степанович, по местному Васька Зотёнок. От других парней он отличался тем, что не ходил на «вечерины»¹⁴ и пел на клиросе¹⁵. В школу он приходил в женском полушубке, нам это в первое время было смешно. Но он был хорош в том отношении, что был не строг.

На другую зиму приехала учительница Ермолина Фаина Михайловна, дочь умершего попа. С нею была семья: мать, бабушка и два братишки. Старший, Леонид, учился в первом классе, а второй, Серафим, еще не учился. Жили они очень бедно: жалованье учительницы было 15 рублей¹⁶. У меня об этой учительнице осталось на всю жизнь самое лучшее воспоминание. Мне никогда не забыть ее простого отношения к нам. Бывало, оставшись ночевать в классе (общежитий тогда не было), мы собирались вечером у затопленной печки и садились на пол. Сиделась тут же с нами и наша Фаина Михайловна и целыми вечерами рассказывала нам сказки.

Ко мне она была особенно добра – очевидно, за мою особую успеваемость да за отменно тихий нрав и хорошее поведение. Я за все школьное время не только не участвовал ни в каких шалостях, но и ни в каких играх. Последнее, конечно, было плохо, но тогда не так смотрели на это, шалость и здоровая игра на свежем воздухе отождествлялись.

---

¹² Дьячок, дьяк – представитель низшего разряда церковнослужителей. (Ред.)

¹³ В одноклассных церковно-приходских школах изучались Закон Божий, церковное пение, церковнославянский и русский язык, арифметика, чистописание, иногда ремесла и рукоделие. В двухклассных, кроме того, были уроки истории. (Ред.)

¹⁴ Вечерина (беседа) – молодежное гуляние в деревнях, обычно зимой. На вечерины девушки приходили с прялками и пряли, однако главным было общение, игры и танцы. (Ред.)

¹⁵ Клирос – место для певчих в храме. (Ред.)

¹⁶ Для сравнения: зарплата учителя в Вологде в этот период составляла 33 рубля, средняя зарплата рабочего – 19 рублей в месяц (Ред.)

Я часто целые вечера проводил у нее в комнате и тут же ночевал. Когда она вышивала, то давала и мне что-нибудь вышивать. Часто мы с ней вдвоем шили на машине: я вертел ручку, а она подводила шитье.

Не помню случая, когда бы она заговорила со мной сердито или прикрикнула, она всегда была одинаково добра, без приторной нежности. Проучительствовав в нашей школе две зимы (при ней я и окончил школу), она куда-то уехала из нашего места. С той поры я ее уж больше не встречал, а тосковал я по ней очень сильно, больше, чем по матери. Даже потом, в тридцать лет, когда я был в германском плену, я часто думал о ней, строил планы разыскать ее и, если она нуждалась бы, предложить ей свою помощь, как сын матери. Это и теперь, почти в 50 лет, не кажется мне смешным.

С самого раннего детства я страдал сильной застенчивостью, в необычной обстановке совершенно терялся и цепенел. В 9–10 лет я не в состоянии был смотреть на девочку того же возраста, если встречал ее в пути один на один, тогда как со знакомыми, с которыми играл повседневно, я этого не чувствовал. Однажды учительница выдвинула меня прочитать в одно из воскресений шестопсалмие¹⁷. В субботу, когда она меня намечала, у меня нехватило решимости отказаться от этой миссии. Озабоченный шел я домой и почти всю ночь не спал, все думал, как я завтра буду читать: ведь там будет столько народа! В обычной обстановке, в школе или дома, я читал бойко, но перед таким скоплением людей боялся, что застыжусь и спутаюсь. Так и не решился я назавтра читать, и вместо меня читал сын богача Казаков Федька. Читал он очень плохо, и мне было неловко, что я подвел свою любимую учительницу. И правда, она потом выразила мне свое неудовольствие. «Что же ты, – говорит, – не сказал вчера, что не будешь читать, я бы другого подготовила, а то этот балбес все дело испортил».

Написал я об этом потому, что эта скверная черта во мне осталась на всю жизнь. Я всегда нерешительно брался за дело, за которое нужно было отвечать перед другими – перед начальством или перед массами, все равно. Смело браться за дело я могу только при стопроцентной уверенности, что смогу выполнить его хорошо. А то был однажды такой случай. В какой-то праздник учительница неожиданно пришла к нам в гости. Это был единственный случай, больше она у нас ни разу не была, хотя от села Устья-Городищенского, где была школа, до нашей деревни было немногим больше версты. Я сидел в это время на лавке против печки и... оцепенел. Сколько меня ни уговаривали и мать, и бабушка, и сама учительница, чтобы я подошел к столу, я, несмотря на все их уговоры, только бессмысленно улыбался и продолжал сидеть.

Дело в том, что в присутствии учительницы в школе я привык вести себя по-иному, чем дома. Поэтому я был в затруднении: если так держаться, как в школе, – потом домашние посмеются, а если так, как дома, – учительнице может не понравиться.

Не знаю, что бы со мной было, если бы на меня сыпались наказания так же, как на многих моих товарищей. Часто, смотря на шалуна, стоящего на коленях и строящего всевозможные гримасы, я думал, что если бы так поставили на колени меня, то мне не поднять бы от стыда глаз на людей. На мое счастье, меня на колени не ставили. Даже поп, который часто приходил на свой урок закона божия совершенно пьяным и без причины колотил и рвал за уши ребят, а на колени ставил десятками, меня за все время учебы ни разу никак не наказал. Изучение закона божьего состояло в том, что поп задавал на дом заучить наизусть какой-нибудь рассказ, например, «Грехопадение прародителей» или «Взятие пророка Ильи на небо». У меня вошло в привычку не заучивать, так как поп если меня и спрашивал, то не первого и я вполне успевал усвоить урок, пока отвечали другие.

---

¹⁷ Шестопсалмие – часть богослужения на утрене, состоящая из шести псалмов, читается на церковнославянском языке. (Ред.)

Но вот однажды я опоздал, до меня поп уже всех спросил и, как только я вошел и сел за парту, он спросил меня. А я даже название рассказа не помню, растерялся, стою как дурак. Потом все же сообразил сказать, что болела голова, поэтому не мог выучить. С другими в таких случаях у него был разговор короток: или рвал иногда до крови за уши, или бил чем попало, или гнал в угол, на колени. Этого же ждал и я, но он только сказал: «Что же, хваленый Иван, оказался хуже хуленого? Ну, садись».

Бесед на религиозные темы, проведенных попами, я запомнил только две, обычно же они ограничивались тем, что задавали заучивать по книге рассказы и молитвы и потом спрашивали.

Первая из запомнившихся бесед была проведена попом Тихоном, который славился среди прихожан особенной трезвостью. Он никогда не бывал пьяным и среди попов был подобен белой вороне. Он рассказывал, какое значение имеет благословляющая рука священника: мол, где-то кто-то видел, что когда священник благословлял верующих, огненная рука в воздухе делала то же.

Второй рассказ принадлежит другому попу, пьянице Владимиру. Он говорил, что спастись и попасть в царствие божье могут только те, кто исповедует православную христианскую веру, а все остальные – магометане, евреи и язычники – в это царствие попасть не могут и все пойдут в муку вечную. Я тогда подумал: за что же пойдут в вечную муку люди, которые никогда ничего не слыхали о православной вере и поэтому не могли знать, как надо спасать свою душу? Я хотел спросить об этом попа, но у меня не хватило решимости на это.

Весной 1898 года мне предстояло держать экзамен¹⁸. Но перед экзаменом я тяжело заболел. Должно быть, воспалением легких: заболел я после того, как, сильно вспотев, выкупался. Но тогда никто о воспалении легких не говорил, лечили меня святой и наговорной водицей, говорили, что меня «кумуха мает¹⁹». Диагноз этот был поставлен на основе того, что я говорил неладно, бредил.

Все же ко дню экзамена я мог кое-как ходить, только сильно кашлял. Бабушка сама отвела меня в школу, домой же я возвращался один, ждать ей было некогда, а для утолнения приступов кашля она купила мне на три копейки сушек. Вид у меня, по-видимому, был не жизнерадостный. Когда собрался духовный синклит²⁰ экзаменаторов, наш поп попросил спросить меня первого, чтобы поскорее отпустить. При этом он не преминул сказать, что это лучший ученик. В результате меня спросили только для проформы. И я, помню, отвечал очень плохо, так как, не совсем поправившись после болезни, ничего не помнил. Но председательствующий сказал: «Молодец, хорошо окончил» – и отпустил домой. Домой я едва доплелся, через каждые 20–30 сажень²¹ садился отдыхать. Так закончилась моя учеба. Наступала пора по-настоящему вытягиваться в крестьянскую работу. А как хотелось еще учиться!

Становлюсь работником

Исполнилось 11 лет, пора к работе привыкать. Так говорил отец, и это было не пожелание, а решительный приказ. Приходилось в летнее время едва не наравне с взрослыми подниматься и работать до позднего вечера. В одно время со мной начала ходить на работу сестра Мария. Она была старше меня на три года, но в работе я ее в первое же лето превзошел, был прилежнее и смекалистее.

---

¹⁸ В церковных школах выпускники сдавали экзамены специальной комиссии. Сдавшие экзамен получали «льготу» (сокращение срока службы) по воинской повинности. В день экзамена выпускники предоставляли письменные работы за последний год, после чего держали «испытания» по всем изучавшимся предметам. (Ред.)

¹⁹ Кумуха (кумоха) – лихорадка, маять – мучить, беспокоить. (Ред.)

²⁰ Синклит (греч.) – собрание высших сановников, здесь – в ироническом смысле. (Ред.)

²¹ Сажень – русская мера длины, равная 2,1336 метра на момент описываемых событий. (Ред.)

Но в драке она брала верх. У нее был очень скверный характер, и она меня часто колодила, конечно, когда не было взрослых, когда мы оставались дома или были на работе одни.

Страшнее всего был сенокос, и вот почему. Пожни²² были все небольшие, а нас уже ходило теперь на работу 8 человек: отец, мать, два дяди с женами и мы с Марикой. Поэтому когда нужно было загребать²³, то для ускорения работы мы делились на две группы и шли на разные пожни. Нам с Марикой обоим хотелось идти с «дедей Миковкой». Кому из нас выпадало идти с отцом (чаще мне, Марика была напористее и обставляла меня), тот приходил в удрученное состояние: отец на работе, особенно если начинала неблагоприятствовать погода, начинал страшно ругаться и нередко дрался.

Больше всего доставалось матери. Она, бедная, рада была что хочешь сделать, только бы не вызвать его гнева, но потрафить²⁴ на него было невозможно. Почти каждый раз кончалось тем, что и ей, и нам приходилось пореветь.

В эти годы, когда я только приучался работать, отец готовился к разделу со своими братьями. А те и давно были этому рады, потому что от его тяжелого характера доставалось и им. В соседней деревне Дунай²⁵, отделенной от Норова речкой Городищной, был поставлен новый дом. Отец задумал забрать его по разделу себе, а поэтому всемерно старался работу по достройке закончить без помощи братьев.

В связи с этим на мою долю выпадала работа не по возрасту, в 10–11 лет мне приходилось пилить «дольной»²⁶ пилой. Часто бывало, что после работы я едва волочил ноги, а придя домой, не мог ужинать. Если же и садился за стол, то не в состоянии был поднести ложку со щами ко рту: рука дрожала и щи расплескивались.

У нас было четыре езжалых лошади. В зимнее время обычно на двух ездили в лес мы с отцом, а на двух – дяди. Ездили отдельно: отец «не сказывал» дядям работы, поэтому делали каждый свое, как бы разных семей. Чтобы только потрафить отцу, я всегда спешил раньше его уйти запрягать лошадей и почти каждый раз, пока он собирался, я успевал запрячь обеих. Мне было лишь 10–11 лет, но я готов был сделать что угодно, только бы он не ругался. Но, увы, не проходило дня, чтобы он меня не ругал, а нередко и колотил, часто довольно основательно. И я возвращался домой измерзший и в кровь избитый.

Мать в мою защиту ничего говорить не смела, только бабушка иногда журила: «Эй, Якунька, батюшко, не ладно делаешь. Разгонишь ты своих деточек по белу свету, не будут они с тобой жить, когда подрастут». Он при этом обычно молчал и... не исправлялся. Вот так я втягивался в трудовую жизнь. В это время я особенно тосковал об учительнице, чувствуя, что вместе с ней безвозвратно потерял что-то хорошее, незаменимое. И горько жалел о том, что не мог больше учиться.

Первое время после окончания школы я ничего не читал, да и нечего было читать: библиотек тогда не было. Правда, у нас были Псалтырь, Евангелие и Часослов²⁷. Да кроме того, на имя бабушки в течение года приходили книги журнальной формы от Афонского подворья под названием «Утешение и наставление в святой вере православной». Но эти книги я читать не мог, потому что ничего в них не понимал, не улавливал смысла. И часто, когда меня заставляли читать, я только водил глазами, делая вид, что про себя читаю. В результате я почти вовсе разучился читать и стал бы, наверное, совсем неграмотным, если бы моя бабушка Варвара не интересовалась житиями святых.

---

²² Пожня – участок сенокоса, луг. (Ред.)

²³ Загребать – сгребать просушенное на земле сено в кучи для последующего формирования стога. (Ред.)

²⁴ Потрафить – угодить. (Ред.)

²⁵ Дунай – деревня в Нюксенском районе Вологодской области. По переписи 2002 года население – 61 человек. (Ред.)

²⁶ Дольная пила – пила для распила бревна вдоль, например, на доски. В русской деревне это делалось вручную. (Ред.)

²⁷ Псалтирь, Евангелие, Часослов – христианские книги, содержащие части Ветхого и Нового заветов, молитвы. (Ред.)

Однажды торговец разной мелочью, таскавшийся с ящичком на санках, привез в числе прочих товаров и книжки. Были у него сказки и жития святых. Сказок бабушка не купила, потому что считала их бесовской потехой, а купила жития великомучениц Варвары, Евдокии и Екатерины, Алексея – Человека божия и Иоанна Кушника.

Вот на этой-то библиотеке я и восстановил свою способность к чтению. Бабушка была очень внимательной слушательницей, поэтому я очень охотно читал ей эти книжки вслух и по многу раз, так что в конце концов мы оба выучили их наизусть. А потом уж я сам стал доставать себе книги, всякими правдами и неправдами. Однажды, например, я пошел на богомолье в деревню Озёрки, верст за 20, там была часовня Николаю Чудотворцу. Мне дали 10 копеек на молебен и на свечи. Там в этот день (Николы Вешнего, 9 мая) ввиду большого скопления молящихся наезжало много торговцев со всякими соблазнами – сладостями и прочим. Я, хотя и боялся бога, решил молебен не служить, а купить на эти деньги книжек.

Однажды в кармане бабушкиной кошули²⁸ я случайно обнаружил два пятака. Я не мог устоять, стащил эти деньги и при первой возможности сходил в Нюксеницу²⁹, опять купил книжек! Сам я, конечно, покупал не только жития святых, но и сказки.

Были у меня сказки и о Еруслане Лазаревиче, и о Бове-королевиче³⁰. Позднее меня сильно интересовали где-то взятые отцом книги «Франциль Венциан» и «Английский милорд Георг»³¹. Он позволял себе такую вольность, читал кроме Евангелия, Псалтири, Часослова и эти книги, но бабушка его за такое чтение ругала и часто прятала их от него. Но мне больше нравилось, когда он читал эти книги, нежели «Божье Слово», потому что после чтения божьего слова он всегда делался придирчивым и злым. «Франциль Венциана» он часто читал вслух кому-нибудь из зашедших на беседу соседей, а позднее заставлял это делать меня. И даже бывали случаи, что хвалил меня за мое чтение, говоря кому-нибудь из слушателей: «Ванько у нас дородно³², расставно читает, надо его заставить почитать». И я это охотно делал.

Вот таким образом я не сделался совершенно неумеющим читать. А умение кое-как писать я сохранил благодаря тому, что мы с бабушкой часто писали письма дяде Мишке во Владивосток. Письма наши почти целиком состояли из поклонов, например, такого рода: «Еще кланяется тебе брат твой Яков Иванович и супруга ево Настасья Ивановна и желают тебе от Господа Бога доброго здравия и всякого благополучия и в делах рук ваших всякого успеха...» И тут я прослыл как очень «складно» пишущий письма, поэтому вскоре со всей деревни начали ходить ко мне с просьбами их писать. Дело в том, что все, ходившие в школу, очень скоро делались опять почти неграмотными, письмо написать сносно могли немногие³³. Восстанавливали способность немного читать и писать только те, кто попадал в солдаты, так как тогда приходилось читать письма домашних и писать ответы.

---

²⁸ Кошуля – на Вологодчине – овчинная шуба, обшита снаружи тканью. (Ред.)

²⁹ Нюксеница – в то время – деревня на левом берегу Сухоны, сейчас – село, центр Нюксенского района Вологодской области. Первое упоминание о Нюксенице относится к 1619 году. С 1775 года была центром одноименной волости Устюжского уезда (к этой волости относились деревни Норово и Дунай, в которых жил автор). В 1872 году в деревне проживали 564 человека. В 1924 году был образован Нюксенский район Северодвинской губернии, районным центром село стало в 1931 году. По переписи 2010 года население – 4271 человек. Название происходит от притока Сухоны – реки Нюксеницы, делящей село на две части. (Ред.)

³⁰ Еруслан Лазаревич, Бова-королевич – герои русского фольклора, широко известные по лубочной литературе XVIII–XIX веков. Лубочная литература издавалась специально для малограмотных слоев населения и представляла собой сильно упрощенные, примитивные книги, снабженные яркими картинками. Основой для лубочной литературы служили произведения фольклора, западные романы, жития святых и т. п. (Ред.)

³¹ Средневековый рыцарский роман «История о храбром рыцаре Франциле Венциане и о прекрасной королевне Ренцивене» в переработке А. Филиппова и «Повесть о приключениях английского милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фридерики Луизы» М. Комарова – произведения лубочной литературы. (Ред.)

³² Дородно – хорошо, красиво. (Ред.)

³³ По сведениям 1873 года в Нюксенской волости из 1242 человек мужского населения грамотными были лишь 68. Женщин грамотных не было. Средний показатель грамотных мужчин в российской деревне в 1890-е годы составлял 27 %. (Ред.)

Прочитанное «Слово Божие» я в 10–12 лет пытался претворять в богоугодные дела. То я незаметно от домашних налагал на себя пост, стараясь как можно меньше есть, то при каждом случае старался проповедовать, что является грехом, чего не следует делать. Бывали случаи, что моя сестра Марика и ее сверстницы, хотя и были старше меня на 3–5 лет, наслушавшись от меня разных страхов про ад и про дьяволов, отказывались идти на игрища, а некоторые из них, в том числе и Марика, начали всерьез проситься у родителей отпустить их «в монашенки».

Да я и сам однажды, следуя примеру Иоанна Кушника³⁴, решил уйти в монастырь, спасти душу. Тайком от своих, даже от бабушки, я приготовил себе котомочку с хлебом, положил туда две пары белья, приготовил письмо, положил его за иконы на божницу и ночью, когда все заснули, вышел из дому.

Но когда я вышел из деревни, мне стало страшно: ночь была темная. И я вернулся домой. Так об этом никто и не узнал. Было мне тогда 11 лет, но мысль уйти в монастырь не оставляла меня до 1905 года, пока я не познакомился с нелегальной литературой. Но об этом ниже.

Прочитав про Пафнутия Боровского³⁵, который, чтобы быть праведным, ночью, когда другие монахи спали в своих кельях, тайно приносил им воду и ставил к дверям, я решил последовать его примеру. Как-то наши соседи «Мавчёнковы» привезли и свалили у двора еловую хвою для подстилки скоту. Но ее, прежде чем использовать, нужно было помельче изрубить или, как у нас говорили, очистить. Так вот я, когда все спали, выходил ночью с топором и чистил эту хвою. Мое счастье, что никто не застал меня за этим делом, а то от насмешек не было бы прохода: ведь даже люди верующие считают такие крайности смешными. Меня и так в это время частенько называли то «апостолом», то «астроломом»³⁶, но в этих кличках не было злой насмешки, скорее чувствовалось признание того, что я больше знаю. В самом деле, ко мне нередко обращались солидные, пожилые соседи с вопросами: когда они именинники или когда будет тот или другой праздник. Это меня подбадривало и побуждало еще больше читать.

Однажды в масленицу на братчине³⁷, где чуть ли не вся деревня пировала в одной избе, ко мне обратился один солидный седой старик, Федоско Киришонок, в прошлом флотский матрос, прослуживший семь лет, но оставшийся неграмотным, чтобы я ему что-нибудь рассказал. И я начал ему рассказывать вычитанное мною из Всеобщего Русского Календаря³⁸ о том, что до солнца столько-то миллионов верст, и что солнце больше земли. В наш разговор вмешался другой старик, Васька Кузнецов, который рванул меня за ухо и сказал моему собеседнику: «Чево ты тут с ним, с пащонком»³⁹, рассусоливаешь!» Но Федоско заступился за меня и сказал тому, что я, хоть и маленький, но знаю больше его в сто раз. Каким ликующим шел я тогда домой!

В играх я был неловок и редко в них участвовал, а в драках не участвовал вовсе. Если случалось, что группа ребят ссорилась с другой, и начинали бросать друг в друга камнями и палками, то я из солидарности тоже бросал, но сознательно старался не попасть. Очень озорных ребят, которые были сильнее и старше меня, я просто боялся и всячески их избегал.

---

³⁴ Преподобный Иоанн Кушник – святой, живший в V веке в Константинополе. Сын богатых родителей, он покинул родной дом и ушел в монастырь, однако потом вернулся и, никем не признанный, жил в нищете в шалаше (куше) рядом с домом родителей до смерти. (Ред.)

³⁵ Преподобный Пафнутий Боровский – святой XV века, отличался строгостью монашеской жизни. Уже в старческом возрасте изнурял себя тяжелой работой. (Ред.)

³⁶ Астролом – астроном, наблюдатель за звездами, в народной речи это слово часто употреблялось в ироническом ключе. (Ред.)

³⁷ Братчина – общее застолье, часто посвященное какому-либо важному для сельской общины празднику. (Ред.)

³⁸ Всеобщий Русский Календарь – настольная книга с множеством полезных и занимательных сведений, издававшаяся И. И. Сытнимым с 1884 года. Подобные издания отличались доступностью и дешевой ценой, выпускались большим тиражом и предназначались для «народного» читателя. (Ред.)

³⁹ Пащонок – скверный мальчишка (бранное выражение). (Л. Ю.)

Семейный раздел

В 1900-м году, когда Марике было 16 лет, мне – 13, Ольке – 10, Сеньке – 7, Акимке – 4 и младшей, Матрешке, – 1 год, мой отец отделился от братьев. И хотя нас отделилось 8 человек, а там осталось 10, на нашу долю пришлось примерно лишь третья часть всего имущества, а хлеба даже меньше. Дело в том, что по тогдашним законам полагалось все делить по братьям. А братьев у отца было трое. Правда, дядя Мишка все еще был во Владивостоке – оставшись там после действительной службы, служил кондуктором на железной дороге, но и на него хотя и неполную, все же выделили долю.

После такого раздела мы сразу стали бедны. У нас стало недоставать хлеба, а денег заработать было почти негде. Единственным заработком было пилить и возить на продажу дрова – по рублю, а то и по 80 копеек за сажень⁴⁰. Возить было далеко, а лошадь теперь была одна. Одну сажень приходилось возить два дня, да распиловка – в общем, человек и лошадь за день зарабатывали 35–40 копеек⁴¹.

Отец был неизворотлив и вместо того, чтобы принимать какие-то меры, только целые дни ругался. Ругаться он никогда не уставал и ругался зло. Мы, конечно, ничего ему не отвечали, а только старались как очумелые хвататься за то или другое дело, чтобы этим ему угодить.

Привычка его беспричинно ругаться была хорошо известна соседям и обычно про него говорили: «Вон, Якуня Юров опять обедню служит». Но на работе он был еще злее. Поэтому если мы могли справиться без него, то всячески старались, чтобы он не ходил с нами. Как ни трудно иногда доставалось, но без него мы на работе были веселы. Работу же мы старались выполнить лучше и быстрее, чтобы он и в другой раз не пошел с нами.

Так в 13–15 лет мне приходилось быть за главного работника. Помню, в одну зиму мы с сестрой Олькой, которой в то время было лет 10, напилили и вывезли на продажу 37 сажен дров – значит, заработали около 37 рублей. И это все денежные средства на весь год для всей семьи. Правда, осенью выручили за проданный лен рублей 15, но они ушли на уплату подати. Да и нами заработанные деньги в значительной части уходили на покупку хлеба.

Помню, однажды мы с Олькой, раздав и выложив 5 сажен дров торговцу Ф. И. Золоткову, купили у него мешок муки, 4,5 пуда⁴². Лошади с нами небыло, и мы тащили этот мешок на санках.

По ровному месту было еще ничего, но предстояло спускаться с очень крутой горы. Соразмерив свои силы, мы поняли, что нам своего драгоценного воза не удержать, он вырвется из наших рук, раскатится, мешок свалится, разорвется, и мука рассыплется. После всестороннего обсуждения мы решили сделать так: Олька должна держать санки сзади за веревку, а я лег впереди них и лежа съезжал по дороге, ведя санки за собой. Спуск был почти с полкилометра, но все окончилось благополучно.

В нашей работе приемы такого рода были нередки. Часто приходилось пореветь: то воз завалится, то бревно тяжелое на дровни поднять не можем. А отец в это время сидит дома, в лучшем случае плетет корзины или лапти и, не переставая, ругает мать. Как мы ни уставали за день на работе, нас никогда не тянуло домой, при возвращении нами овладевало угнетенное настроение. Только если мы знали, что отца дома нет, тогда, конечно, шли домой с радостью, да и дома все, включая и мать, были веселы. Это были редкие радостные дни в нашей жизни.

---

⁴⁰ Имеется в виду кубическая сажень, около 10 м³. (Ред.)

⁴¹ В начале XX века безлошадный вологодский крестьянин на сельхозработках в среднем зарабатывал 33,5 копеек в день, а со своей лошадкой – 67 копеек в день. В 1900 году пуд ржаной муки стоил в Вологде 88 копеек, пуд коровьего масла – 11 рублей, пуд свежего мяса – 2 рубля 35 копеек, ведро вина – 6 рублей 30 копеек. (Ред.)

⁴² Пуд – мера веса, равная 16 кг. (Ред.)

Около этой поры у меня стало созревать решение уехать на «чужую сторону»⁴³. Перед моими глазами часто стояли образы чисто одетых «питеряков», приехавших домой на побывку. Видя их так одетыми и слушая их рассказы о городах, я представлял себе тамошнюю жизнь красивой и радостной. Но как уехать? Денег на дорогу у меня нет, да и паспорта отец не даст⁴⁴. Я строил всевозможные планы.

У нас с Маришкой часто на этой почве были споры. Ей тоже хотелось уехать, а мать нас упрасивала не ездить, не оставлять ее одну с отцом. «Вы вот теперь, – говорит, – стали большие, работаете и мне лучше, а уедете – опять я останусь с малыми ребятами, опять он меня будет бить». Больше не отпускала она меня, так как у Марики характер был вроде отцовского, злой, поэтому ее мать не очень удерживала. Я же Марику уговаривал остаться: мол, я уеду, устройсь, тогда и тебя, и других к себе достану.

Кроме того, что жизнь дома с отцом была невыносимой, меня тянули на чужую сторону еще и такие соображения. Читая религиозные книги и глядя на жизнь окружающих людей, я видел явное противоречие: говорят люди о заповедях божьих, ходят на исповедь, молятся и в то же время живут так, как будто вовсе бога не знают, а сами попы еще хуже других, пьянствуют и безобразничают. Да и в самих «божественных» книгах меня смущали противоречия. В одном случае, чтобы спасти душу, рекомендуется быть отшельником, молчальником, умерщвлять свою плоть, всячески терзать и мучить себя, а в другом – вести хорошую семейную жизнь, любить жену, воспитывать в страхе божием своих детей, делом и словом показывать хороший пример другим людям. Вот я и думал: если уеду, то, наверное, там (а где «там» – этого я не знал) встречу хороших, мудрых, праведных пастырей, которые наставят меня на путь истинный.

Но удалось мне уехать только в 1904 году, во время Русско-японской войны. Тогда мне было 17 лет, но по росту и физическому развитию я выглядел еще мальчишкой лет пятнадцати. Чтобы уехать, мне пришлось прибегнуть к обману.

Отец, желая уязвить того, кого ругал за плохую работу, часто приводил в пример своего бывшего работника (батрака) Андрюху, говаривал так: «Мы раньше с Ондрюхой по пятнадцать сулонов ржи нажинали» или «Мы с Ондрюхой по сотне жердя нарубали».

Вот этот-то Андрюха после батрачества у моего отца ушел в солдаты, а окончив службу, там и остался, сначала был приказчиком, а потом открыл свою торговлю лампадным маслом в Пскове. Я решил использовать его для своих целей.

Сначала я написал ему письмо от имени отца, но без его ведома. Мол, дорогой сват Андрей Илларионович (он приходился родственником отцу), не найдется ли там местечка для моего сына, а если найдется, то пошли на дорогу деньжонок. Ответ пришел на имя отца, но получил его я, и так как ответ был отрицательный, то письмо я отцу не показал, а решил продолжить обман. Написал письмо сам, якобы от этого Андрюхи, и, придя однажды из Нюксеницы, сказал отцу, что «от Ондрюхи тебе письмо пришло», а чтобы он не заподозрил обмана, конверт я, не показав ему, изорвал и выбросил: на нем ведь не было почтовых штемпелей.

В письме было написано: «Дорогой сват Яков Иванович, если ты хочешь хорошо устроить своего сына, то посылай его ко мне. Здесь я на первое время поставлю его приказчиком, жалованье будет 15 рублей, квартира и харчи готовые».

---

⁴³ Отходничество – уход на заработки из деревни в города, в том числе в Санкт-Петербург и Москву было широко распространено в губерниях Центральной России, особенно в зонах рискованного земледелия – Вологодской, Ярославской, Костромской, Тверской и других. (Ред.)

⁴⁴ В дореволюционной России крестьяне могли покинуть деревню только при наличии паспорта, без которого человек считался бродягой. Паспорт выдавался на определенный срок, его выдача зависела от местных властей и крестьянских обществ. Неотделенным членам крестьянских семейств (как Иван Юров) для получения или возобновления паспорта необходимо было также заручиться согласием хозяина крестьянского двора. (Ред.)

Эта более чем заманчивая перспектива соблазнила отца, он сказал матери: «Шчо, баба, пожалуй, надо отпустить Ваньку-ту, может, и другим путь покажет». И назавтра же он сходил в волостное правление⁴⁵, принес мне паспорт. Денег, чтобы дать мне на дорогу, у него не было – он унес местному торговцу в залог тулупишко, достал десять рублей.

Мать насушила мне котомку сухарей, положила в эту же котомку две пары белья, и вот я совсем готов в путь-дорогу, моя заветная мечта уехать в город, наконец, осуществляется!

Мать проводила меня до пристани и, когда пароход отходил, она стояла на берегу вся в слезах. У меня было тяжело на душе, но я не плакал. Я верил тогда, что как только я приеду в город (в какой – я еще не знал), я поступлю на хорошее место и буду посылать домой деньги, а тогда и отец станет добрее к матери и братьям.

Путешествие и поиски места

Доехав на пароходе до Вологды⁴⁶, я решил разыскать тут «Виктора Савдатёнка». Виктор Яковлевич Шабалин, уроженец нашей деревни, жил давно в Вологде, работал в министерском пароходстве шкипером. Адреса его у меня не было, поэтому я просто, как в деревне, спрашивал: «Где тут живет Шабалин Виктор Яковлевич?» Большинство спрашиваемых дивилось моей наивности, некоторые даже ругались матерно, но все же мне скоро попался человек, который указал его дом. Принят я был сносно, был приглашен к ужину за общим столом. Тут я впервые увидел, как едят из отдельных тарелок. Мне было неловко, я не знал, что делать с вилкой, с ножом и со своими ногами в неуклюжих сапогах.

После ужина я робко заикнулся о том, нельзя ли мне тут, в Вологде, получить какое-нибудь местечко. Хозяин на это разразился целой проповедью: должно быть, мол, в деревне есть шальные деньги, если дают их таким ребятишкам на дорогу; вот поездишь да спустишь с себя последнюю одежонку и вернешься домой без штанов. Такое пророчество меня очень озаботило, ведь мне казалось, что стоит только приехать в город, и я сразу поступлю на место.

Переночевав у земляка, на другой день я пошел на вокзал. Железной дороги я до этого не видал, но от людей слышал, что без билета можно уехать дешевле, и решил поискать такого способа. Вышел на перрон со своей котомкой за плечами, присматриваюсь. По-видимому, мое желание было написано на моем лице, так как вскоре ко мне подходит какой-то закопченный человек и спрашивает: «Куда едешь?» Я ответил, что в Ярославль⁴⁷. «Ну, так иди, – говорит, – садись, я тебя дешевле увезу». Билет до Ярославля стоил 1 рубль 80 копеек, он же взял с меня рубль. При моем ограниченном бюджете я был рад и этой экономии. Но поездка была мучительной: мой благодетель посадил меня в какой-то шкаф, да такой тесный, что сидеть можно было, только скрючив ноги и согнув спину и шею. Я и теперь не знаю, где я имел счастье в первый раз ехать по железной дороге, предполагаю, что на паровозе.

Когда по приезде в Ярославль меня выпустили из шкафа, я с трудом распрямился. Потом за толпой пошел к перевозу (моста через Волгу тогда еще не было⁴⁸), но от толпы отстал: ночь была темная, а меня некстати как раз в это время захватила куриная слепота. На берегу Волги я заблудился: то забредал в воду, то наткнулся на поленницы дров. Наконец меня окликнул какой-то человек: «Чего тебе тут надо?» Я говорю, что ночевать надо бы, да не знаю, куда

---

⁴⁵ Волостное правление – орган крестьянского самоуправления в Российской империи, учрежденный после отмены крепостного права. (Ред.)

⁴⁶ Иван Юров ехал на пароходе по реке Сухоне, а затем по реке Вологде, которая впадает в Сухону. Водный путь от Нюксеницы до Вологды – около 450 км. (Ред.)

⁴⁷ Железная дорога от Ярославля до Вологды была построена в 1872 году. (Ред.)

⁴⁸ В начале XX века поездка из Вологды в Ярославль прибывали дважды в день: в 7.35 утра и 6.05 вечера. При этом до 1913 года конечной станцией в Ярославле являлась станция Урочь (Волга-Яросл.), находившаяся на левом берегу Волги рядом с Тверицами. Чтобы попасть в центр Ярославля, пассажирам необходимо было воспользоваться переправой через Волгу пароходы подавались ко времени прибытия поездов. (Ред.)

идти. «А иди, – говорит, – на постоянный двор Кукушкина, тут недалеко». Я вынужден был ему сознаться, что ничего не вижу и постоянного двора не найду. Человек попался, очевидно, хороший, проводил меня. В освещенной ночлежке я ожил, поужинал сухарями и лег спать прямо на пол: нары были уже все заняты.

Утром хозяин постоянного двора в разговоре с ночлежниками сказал по поводу меня почти то же, что и мой земляк в Вологде. «Вот ведь, – говорит, – теперь он едет из дому хотя в худеньких, но все же в сапогах, а когда пойдет обратно – и опорков⁴⁹ не будет».

Но тут же мне впервые улыбнулась надежда на получение места. В числе ночлежников был один парень, по его словам, Кадниковского уезда⁵⁰, а теперь едет домой, на призыв. Одежка на нем была хотя и не рваная, но пиджак и брюки матерчатые, поношенные; багажа у него было корзинка да трехрублевая гармошка – словом, он не был похож на тех «питеряков», каких мне приходилось видеть в наших местах, когда они приезжали на побывку. Его незавидный внешний вид, как и пророчества хозяина, поколебали мои радужные надежды на город. Но именно этот парень принял во мне самое горячее участие. Когда хозяин пророчил мне остаться без опорков, он сказал: «Не тужи, земляк, место я тебе найду». И он тут же перечислил несколько хозяев, которым нужны такие ребята, как я.

Правда, помня напутствия домашних, что в городе нужно остерегаться золоторотцев⁵¹ и жуликов, я старался угадать, уж не жулик ли это, не хочет ли он выманить у меня деньги (их оставалось у меня еще 6 рублей с полтиной). Все же, горя желанием получить место, я пошел с ним в Ярославль – он шел туда на базар, продавать гармошку, так как ехать домой ему было не на что.

Когда переехали через реку, он предложил мне заплатить за перевоз и за него. В городе он привел меня в чайную, заказал чаю с булками и вареньем, купил папирос и за все это опять-таки должен был платить я. С болью в душе я выложил копеек 60.

Затем мы с ним пошли на толкучку⁵² продавать его гармошку. Протолкались полдня, но так и не продали. Я все время ходил за ним как тень, изредка робко напоминая насчет обещанного места. Сначала он обнадеживал: «Ладно, не заботься, место я тебе найду», – а потом стал отмалчиваться.

С толкучки он привел меня обратно на берег Волги. Увидев, что мы пришли опять к перевозу, я сказал: «Послушай, земляк, а как насчет места-то?»

– Тебе что, место надо? – обернулся он.

– А как же, – сказал я, опешив, – ведь ты обещал.

– Ну, так садись вон на берегу на любой камень, вот тебе и место, – ответил он и пошел дальше.

Поняв, наконец, что надежда моя была напрасной, я повернул обратно в город, расспрашивая дорогу на вокзал, чтобы поехать в Рыбинск.

На вокзале в Рыбинске, в отдельном углу, стояла раззолоченная большая икона только что прославленного Серафима Саровского⁵³. У иконы дежурила монашка, принимавшая пожертвования и продававшая молящимся свечки.

---

⁴⁹ Опорки – худые, до крайности изношенные сапоги. (Л. Ю.)

⁵⁰ Кадниковский уезд – уезд Вологодской губернии, центр – город Кадников. (Ред.)

⁵¹ Золоторотец – простонародное, бранное слово, связанное с выражением «золотая рота», применявшимся к созданным в 1823 году арестантским ротам при крепостях и к арестантам в целом. В литературе и разговорной речи XIX – начала XX века «золотая рота» стала стандартным наименованием городских низов, оборванцев, босяков. (Ред.)

⁵² Толкучка – рынок. Согласно плану Ярославля 1911 года (изд. А. Я. Разроднова) Толкучий рынок располагался в районе современных улиц Андропова и Депутатской, возле Сретенской церкви. (Ред.)

⁵³ Преподобный Серафим Саровский – святой, живший в XVIII–XIX веках, причислен к лику святых в 1903 году по инициативе императора Николая II. (Ред.)

Обескураженный неудачами, я заробел и не решался обратиться к кому-нибудь насчет работы. Но монахиня тогда в моих глазах была служительницей бога, и я подумал, что она охотнее, чем кто-нибудь другой, окажет мне помощь. Подойдя, я робко спросил, не может ли она мне посоветовать, где можно найти работу. В ответ я услышал: «Помолись, раб божий, святому угоднику Серафиму Саровскому, вот он тебе и поможет устроиться».

Я дал ей две копейки на свечку, и она от моего имени зажгла ее перед угодником. Я немного помолился – немного потому, что на людях в одиночку я стеснялся молиться. Другое дело в церкви, где молятся все. Правда, в то время молился я и в одиночку, но так, чтобы никто не видел, – ночью, когда все заснут.

Затем монахиня предложила мне купить образок святого и, как хороший продавец, выложила их целую кучу. Я выбрал самую маленькую иконку, примерно 6 на 6 сантиметров, ценой в 20 копеек.

Потом она указала мне на человека, подметавшего метлой пол в другом конце зала: сходи, говорит, спроси его, не знает ли он где-нибудь для тебя работы.

Я подошел и несмело спросил его: «Дяденька, не знаете ли вы тут для меня какой-нибудь работы?» – «Работы? – переспросил он, – какая тебе тут работа, когда везде увольнения идут». На этом наш разговор и закончился.

Я поторчал еще некоторое время около монахини и иконы и решил, что надо ехать дальше. Денег у меня оставалось рубля четыре.

В Калязинском уезде⁵⁴ Тверской губернии жил, работая делопроизводителем у земского начальника⁵⁵, мой товарищ по школе Бородин Иван Дмитриевич. Он был года на два меня старше, но две зимы мы сидели в школе в одних классах и даже рядом по успеваемости, он был следующим за мной. Как и я, он был любимцем учительницы, был тоже не шалун и поэтому мы с ним были неразлучными товарищами.

Увез его из дому один знакомый и устроил сначала в одной из волостей Калязинского уезда при волостном писаре. Кстати, в школе он был лучшим по чистописанию, поэтому скоро наловчился в канцелярском деле, его заметил земский начальник и взял к себе сначала переписчиком, а потом сделал делопроизводителем.

За год перед этим он приезжал домой на побывку. Его манера держать себя, его новенький суконный городской костюм, белоснежная фуражка и блестящие ботинки привели меня в восхищение. По старому знакомству я зашел к нему посидеть и, если удастся, поговорить, нельзя ли будет и мне поехать с ним. Но у него оказались гости, два брата-студента, сына-вья нашего урядника, а это для нашей глуши была такая знать, перед которой благоговели и более солидные люди, чем я. Товарищ мой встретил меня тогда вежливо и предложил наряду с гостями рюмку водки, но я ее не пил, поэтому отказался. За столом, в их обществе, я чувствовал себя крайне неловко, рад был провалиться со своей неуклюжестью. Мне было стыдно за свои худые пиджак, штаны и сапоги. Насчет поездки я, конечно, не посмел заикнуться: мне показалось, что туда, где живут такие изящные люди как они, я просто не гожусь.

Вот к этому-то товарищу я и решил ехать. Адрес его я помнил, так как часто ходил к его отцу в Нюксеницу читать его письма: «Сельцо Крутцы, Калязинского уезда, Тверской губернии, земскому начальнику Вонсятскому, передать И. Д. Бородину». Из того, что в адресе не указывалась волость⁵⁶, я заключил, что сельцо это должно быть неподалеку от Калягина. С собой у меня была географическая карта из Всеобщего Русского Календаря, по которой я

---

⁵⁴ Калязинский уезд – уезд Тверской губернии с центром в городе Калягине. (Ред.)

⁵⁵ Земский начальник – в дореволюционной России чиновник на сельской территории, имевший некоторые судебные полномочия. (Ред.)

⁵⁶ Волость – нижняя административно-территориальная единица в дореволюционной России. (Ред.)

видел, что Калязин недалеко от Кашина, а на Кашин есть железная дорога. И я взял на последние свои деньги билет до Кашина⁵⁷.

Поезд в Кашин пришел ночью. Выйдя с вокзала, я подошел к группе людей в шинелях и спросил, как найти постоялый двор.

– Мы тоже туда едем, – отвечали они, – хочешь, и тебя увезем.

– Но у меня нет денег на извозчика.

– Не надо денег, так увезем.

И вот нас набилась полная телега. За ямщика была какая-то старушка. Люди, посадившие меня, шутя ее поторапливали: «Вези, вези, бабушка, нас поскорее, нам некогда, мы поехали японцев бить». Оказалось, это были мобилизованные.

Назавтра рано утром я направился на Калязин⁵⁸, рассчитывая к вечеру добраться до товарища. Но когда я стал в Калягине спрашивать дорогу в сельцо Крутцы, оказалось, что никто про такое сельцо не знает!⁵⁹

После долгих бесплодных расспросов я пошел из города наобум, по первому попавшемуся тракту, надеясь, что в деревнях я скорее разужаю. Отошел я в тот день от города верст 15, но сколько ни спрашивал, никто о Крутцах не знал. Переночевал в деревне и на другой день прошел в том же направлении еще верст 20. Тут в одной деревне мне сказали, что в стороне от тракта, верстах в пятнадцати, есть село Крутец – не это ли? Я пошел туда, но оказалось, что село Крутец – это только церковь да дома церковных служителей, больше ничего. И я снова вернулся на тракт.

А был конец октября, холодно, но еще не замерзло, самая слякоть, идти приходилось по грязи и воде. Сапоги мои разъехались, пришлось перевязать их веревками.

Только на четвертом ночлеге после Кашина хозяин, у которого я ночевал, смог сказать мне, где это самое сельцо Крутцы. Оставалось до него 25 верст, и на следующий день я добрался. Оказывается, так называлось имение земского начальника.

При входе в усадьбу на меня набросилась свора собак, штук десять. Но я не струсил, решив, что если уж они не на цепи, то, значит, не кусаются. Я поднялся на крыльцо и начал стучать, так как дверь была заперта. Из другой двери вышла женщина и спросила, кого мне нужно. Я ответил ей вопросом, здесь ли живет Бородин Иван Дмитриевич? Она мне указала на другой, стоящий неподалеку дом и сказала, что он «там, в камере, занимается». Дом этот был старенький, не обшитый. И вот я, наконец, у товарища. Встретил он меня вежливо, но, как мне показалось, суховато. Проводил меня в свою комнату в этом же доме, рядом с канцелярией и, показав умывальник, предложил помыться. Я сказал, что сегодня умывался, а он меня поправил: «То есть, ты хочешь сказать, что уже сегодня мылся?» Я немного привел себя в порядок, сбросив обмотанные веревками сапоги и надев захваченные из дому валенки, приобрел более или менее приличный вид.

Потом мы с товарищем и его помощником, носившим звучную фамилию Комиссаров-Галкин, обедали, ели вкусные мясные щи с очень вкусным, хотя и ржаным, хлебом. А может быть, мне все показалось таким вкусным потому, что я уже две недели, с тех пор, как тронулся из дому, питался почти одними сухарями, размоченными в воде.

За обедом товарищ спросил, что побудило меня уехать из дому. Я, как умел, коротко обо всем ему рассказал и несмело спросил, нельзя ли тут где-нибудь устроиться. Он ничего

---

⁵⁷ Иван Юров ехал по Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороге сначала до станции Сонково, а оттуда по ветке до Кашина. (Ред.)

⁵⁸ От Кашина до Калягина – около 20 км. (Ред.)

⁵⁹ Согласно документам Государственного архива Тверской области, сельцо Крутец Белгородской волости Калязинского уезда принадлежало дворянам Вонсяцким. Помимо разыскиваемого автором сельца, в уезде существовало село Крутец Плещеевской волости. Оба населенных пункта ныне не существуют. (Ред.)

определенного мне не пообещал, сказав только, что «вот барин приедет (он был в отъезде по волостям своего участка), тогда я поговорю с ним».

У земского начальника гостили племянники, два молодых парня, где-то учившиеся. Товарищ мой был с ними в довольно фамильярных отношениях: они вместе пели песни под балалайку и дурачились. Мне показались очень противными их разговоры о том, как они будто бы проделывали разные штучки с кухаркой земского, например, лили ей чернила в пах и т. п. Я надеялся людей городских, образованных увидеть не такими, присутствовать при их разговорах подобного рода мне было крайне неловко.

Через три дня земский, поехав в село Талдом⁶⁰, взял с собой и меня. Ехали мы вчетвером: земский, мой товарищ, я и кучер – рослый, солидный мужик с окладистой бородой. В пути земский шутил, а закуривая, он брал в рот на всех по папиросе, зажигал их и подавал каждому, в первый раз и мне тоже, но я, как некурящий, отказался. Земский казался мне похожим на генерала Куропаткина, портреты которого как героя Русско-японской войны, тогда еще не проигранной, были мне знакомы.

В Талдоме он определил меня в чайную общества трезвости⁶¹ половым⁶². Он был почителем этой и других подобных чайных. Жалованье мне тут было 8 рублей в месяц при готовом питании, а спали мы, все половые, тут же в чайной, на столах, комната была только для буфетчика.

К работе этой я привыкал очень трудно, так как не отличался резвостью и расторопностью, а для полового это необходимые качества. Правда, и товарищи мои тоже не были идеальными половыми, так как были все пожилые. А мне хотелось бы быть таким половым, каких я насмотрелся однажды на пассажирском пароходе. Меня поражало, как быстро они с подносами, полными посуды, в руках, бегали по крутым паровым лестницам. И внешность их казалась мне необычайно изящной: черные, стройные пиджачные костюмы, блестящие штиблеты, молодые красивые лица с красиво завитыми волосами...

Увы, я сознавал, что мне никогда таким не быть, а поэтому и не прилагал усилий к «совершенствованию». Лицо и вообще вся моя внешность были далеко не изящными, а одежка на мне была совсем убогая. Я сознавал все это и чувствовал себя неловко.

Еще маленьким, с тех пор, как помню, я привык стыдиться своей внешности. Еще годов пяти-шести я приходил в подавленное настроение, когда мне напоминали о моих недостатках, называя меня «толстоголовым», «большеглазым», «белоглазым» и т. д., а около 11 лет я в дополнение ко всему этому еще сделался хромым, «косолапым».

Это случилось, когда я шел однажды с отцом на дальнюю пожню, на сенокос. Идя босиком по лесу, я проступился пятой правой ногой между двух колодин, пригнув ступню к голени. Домой я едва смог дойти. Мер к лечению ноги мои родители не приняли, лишь месяца через два, когда я почти совсем не мог ходить, бабушка повезла меня к «правещику»⁶³ за 30 верст.

Между прочим, ехали мы мимо больницы, но захватить туда никому и в голову не приходило. Отношение к врачам и больнице тогда было такое, что если кто увозил туда больного (что случалось очень редко), то про него говорили: ишь, как ему захотелось вогнать в доски (то есть в гроб) своего больного!

---

⁶⁰ Сейчас – город Талдом Московской области, в начале 20 века село Талдом входило в Калязинский уезд Тверской губернии. (Ред.)

⁶¹ В начале XX века в городах и крупных селах Российской империи в рамках кампании по борьбе с алкоголизмом социальных низов была создана сеть «Чайные Общества трезвости». В подобных заведениях была запрещена продажа алкоголя, устраивались публичные чтения, концерты, создавались бесплатные библиотеки. Всего в Талдоме начала XX века было 12 чайных. (Ред.)

⁶² Половой – официант в трактире, ресторане в дореволюционной России. (Ред.)

⁶³ Правещик – вероятно, костоправ, народный «врач», занимающийся выправлением костей при вывихах. (Ред.)

«Правещик» поразглаживал мою ногу в теплой воде с мылом, бабушка дала ему гривенник⁶⁴ и мы поехали обратно, а я так и остался хромым и «косолапым» на всю жизнь. Вот и этот недостаток мешал мне быть хорошим половым: ну, какой же из меня половой, если я хромым, и нога у меня смотрит в сторону – часто я так горевал.

Чайная работала с 6 часов утра до 11 ночи. Поэтому спать можно было только с 12 ночи до 5 утра. Выходных дней не было. В праздничные дни людей было всегда полно, поэтому в эти дни до закрытия чайной не было времени даже поесть, мы ограничивались тем, что перехватывали что-нибудь на ходу. В будни нашими гостями-завсегдатаями были местные кустари-башмачники⁶⁵. Приходили они обычно группами по 5–7 человек хозяин со своими мастерами и подмастерьями, приходили пить чай раза по три в день. Когда, бывало, спросишь их, что подавать, хозяин обычно отвечал: «Обнаковенно, на семь копеек каждому». Это значило – чай и по паре пышек.

Чай у нас подавался не заваренный, а в цыбиках, по золотнику⁶⁶ на человека, к нему полагалось два пильных куска сахара. Стоил чай или, как говорили, пара чаю⁶⁷, 4 копейки, а пара пышек – особых местных булочек – 3 копейки.

Я часто вступал в разговор с молодыми подмастерьями. Они хвастали мне, что зарабатывают в неделю по 3–4 рубля, а мастера – по 5–6 рублей. При этом они отмечали в своем ремесле то преимущество, что если кто-нибудь и пропьяется до последней рубахи и придет к хозяину почти голый – тот все равно принимает его. В общем, они мне нравились: не грубый народ, не ругатели. Некоторые из молодых были красивы, с чуть заметными черными усиками.

Проработав первый месяц и получив жалованье, я пять рублей послал домой, оставив себе три. Так же сделал и на второй месяц. А на третий купил для средней сестры прионелевые⁶⁸ ботинки за полтора рубля да серебряные сережки за 50 копеек, старшей сестре – сережки за 75 копеек и, кроме этого, купил у одного торговца-разносчика остаток его галантерейного товара (стеклярус, кружева, пуговицы), кажется, рубля за два и все это послал домой. Посылка эта, как мне об этом рассказывали, когда я через год вернулся домой, произвела фурор: соседки решили, что я попал на очень хорошую «ваканцию», тем более что дважды до этого посылал деньги.

В первом же письме я сознался родным, что обманул их, что письмо было не от Андрея Илларионовича, а я сам его написал, но в ответном письме они меня не ругали, а посылали мне свое «родительское благословение, которое может существовать по гроб жизни».

В последующие месяцы я уже не посылал им ни денег, ни посылок. Купил себе сапоги шагреньевые⁶⁹ за 6 рублей да пиджачок поношенный за два рубля, а потом стал все проедать на пышках, не выдержал. Сначала я их совсем не покупал и не ел, все «берег копеечку», а потом невтерпеж стало, очень уж белого захотелось: дома-то ведь я его не только не едал, но и не видал⁷⁰. Так и втянулся, как пьяница в водку, и стал проедать свое жалованье почти целиком.

Живя впервые без материнского ухода, я не стирал белье и поэтому обовшивел. Это меня очень мучило, приходилось уходить в уборную и там бить обильно размножившихся насекомых. Никто меня не поучил, как стирать, да и негде было, и времени не было. Мои коллеги

---

⁶⁴ Гривенник – 10 копеек. (Ред.)

⁶⁵ Одним из главных занятий жителей села Талдом традиционно выступало изготовление обуви. В начале XX века здесь числилось 180 обувных мастерских. (Ред.)

⁶⁶ Цыбик – небольшая бумажная или картонная пачка чая. Золотник – русская мера веса, 4,26 грамма. (Ред.)

⁶⁷ Пара чаю – два чайника: маленький чайник, откуда наливалась заварка, и большой чайник с горячей водой. Заварку можно было многократно доливать кипятком. (Ред.)

⁶⁸ Прионель – особо прочная ткань, чаще черного цвета, применялась для изготовления обуви. (Ред.)

⁶⁹ Шагрень – вид кожи. (Ред.)

⁷⁰ В Великоустюгском уезде крестьяне из зерновых культур выращивали в основном рожь, ячмень, овес. Пшеница давала значительно меньший урожай (так, в 1915 году средний сбор по уезду составлял с десятины 34,2 пуда пшеницы, ржи – 54,6 пуда), поэтому выращивать ее для выпекания белого хлеба могли позволить себе лишь зажиточные хозяйства. (Ред.)

были из ближних деревень, им жены приносили чистое белье из дому, поэтому с ними такой беды не случалось. Мне было стыдно, я старался скрывать, но разве скроешь, когда каждое место чешется.

За время работы в чайной я заметно подрос и даже пополнил, лицо стало одутловатым, и мой небольшой вздернутый нос стал казаться еще меньше. Посетители меня дразнили: «Эй, Иван, у тебя щеки нос растащили!»

В это время у меня появилось влечение к женщине, да такое, что я не мог равнодушно смотреть ни на одну женщину. Мне шел тогда 18-й год. Прирожденная стыдливость не позволяла мне не только говорить на эту тему с женщинами, но я даже мысли об этом всячески гнал от себя. Женщины, продающие себя за деньги, были для меня омерзительны.

В этот период я впервые начал почитать газеты – наша чайная выписывала их для посетителей, но в них я больше обращал внимание на отдел происшествий, а также на печатавшиеся иногда повести и рассказы. Из газет я узнал о 9-м января⁷¹, об убийстве великого князя Сергея Александровича⁷², но о событиях этих я тогда правильно судить не мог, так как был религиозен. Настолько религиозен, что нередко по ночам, когда все спали, вставал перед иконой (перед нею у нас всегда горела лампадка) и молился до изнеможения. И это несмотря на то, что спать приходилось не более пяти часов в сутки.

Как религиозный человек, я по-простонародному считал царя помазанником божьим, а поэтому и судил о таких событиях так, как их изображали тогдашние газеты, то есть что рабочее по своей глупости и доверчивости слушается подстрекателей-крамольников, студентов и жидов. Когда я читал о расстрелах рабочих, мне было их очень жаль, мне хотелось разъяснить им, что не надо слушать людей, идущих против бога и царя. А подстрекатели-крамольники мне представлялись необыкновенными, злыми существами, подобными бесам: ведь они, как и бесы, вредят без пользы для себя. Но все же убийство великого князя меня не опечалило, я даже чувствовал как-то подсознательно некоторое удовлетворение.

Из Талдома я написал письмо упоминавшемуся выше Андрею Илларионовичу с просьбой о месте и получил на этот раз положительный ответ. Он писал, что если я желаю, то могу ехать, но не к нему в Псков, а к его знакомому в Петербург, в масляную лавку (лампадное масло) к Петру Григорьевичу Ручьевскому, на Гагаринской улице.

В это же время я получил также письмо-ответ от своего дяди Сергея Ивановича, брата матери, бывшего тогда начальником почтово-телеграфной конторы в Люблине (Польша). Он писал, что я могу ехать к нему, можно будет устроить меня по почтовому ведомству, но только с год придется поработать без жалованья. Мне не понравилась перспектива работать год без жалованья, а также и то, что, выучившись этому делу, я привяжу себя на всю жизнь к одной работе, меня же тянуло к жизни разнообразной.

Словом, я решил ехать в Петербург. К 1-му апреля я взял в чайной расчет и, забрав свою котомку с имуществом, с восемью рублями в кармане отправился в столицу.

От Талдома до Москвы я ехал на положении порядочного человека, с проездным билетом, а в Москве меня паровозная бригада устроила между каких-то полениц. Обложив меня со всех сторон дровами, они посоветовали мне спать. Время было вечернее, я так и сделал: подстелил свой пиджак, положил котомку под голову и уснул сном праведника. Перед последней станцией они меня разбудили и потребовали деньги. Денег у меня было 6 рублей – золотой пятирублевик и серебряный рубль. Вечером я собирался уплатить им рубль, заявив, что пятерку потерял, и в подтверждение начать ее разыскивать в том месте, где спал. Но утром

---

⁷¹ 9 января 1905 года – так называемое Кровавое воскресенье. В этот день мирное шествие рабочих Петербурга, направлявшихся к Зимнему дворцу с коллективной петицией Николаю II, было разогнано правительственными войсками. Это событие считается началом Первой русской революции 1905–1907 годов. (Ред.)

⁷² Великий князь Сергей Александрович (1857–1905) – младший брат Николая II, погиб у стен Кремля 4 февраля 1905 года в результате террористической акции членов партии социалистов-революционеров. (Ред.)

я понял, что проделать это не смогу, я не умел притворяться и поэтому подал им золотую, надеясь, что они мне дадут сдачу. Но, увы, сдачи не дали, проезд обошелся мне в пять рублей, а билет стоил бы шесть.

На последней станции мои благодетели провели меня в первый вагон, который был, по-видимому, классный, так как в вагоне было шикарно, и пассажиры по виду все благородные⁷³. Эта непривычная обстановка при моем жалком одеянии и котомке за плечами сразу заставила меня осознать мою тут неуместность. Я как остановился при входе у самой двери, так тут и замер, словно жена Лота⁷⁴, и вышел из оцепенения только когда поезд остановился, и пассажиры стали выходить.

В Питере

Вместе с толпой я вынырнул из Николаевского вокзала⁷⁵ на площадь и почувствовал себя сразу будто бы перенесенным в другой, неведомый мир. Этот шумный, грохочущий город с несметным количеством роскошно одетых, празднующихся людей напомнил мне библейский Вавилон, и меня охватила жуть: а вдруг гнев господень разразится над этим городом как раз сейчас? Я уже готов был бежать из него, но успокоил себя тем, что люди живут тут давно, и ничего подобного не случалось.

У ближайшего городского я спросил, как мне пройти на Гагаринскую улицу. Спрашивая одного за другим городских, я нашел, наконец, улицу и дом, куда мне было нужно.

Найдя лавку по вывеске, я был разочарован. Заведение представлялось мне солидным магазином, а оказалось маленькой лавчонкой, с двумя квадратными оконцами, более чем наполовину сидевшими ниже панели⁷⁶. Между окнами располагалась дверь, к которой с панели вела вниз лестница в 5–6 ступеней.

Я несколько раз прошел перед фасадом дома, но заходить не спешил. Дело в том, что мне нестерпимо захотелось по малой нужде и, прежде чем зайти, я хотел это сделать, но не знал где.

Наконец, выведенный из терпения, я сунулся в ворота этого же дома и пристроился под аркой. Но тут откуда-то взялся мужик, похожий на деревенского, и закричал на меня. Мне пришлось, не закончив, поспешно свернуть свое занятие, но все же стало можно терпеть.

Порасправив, насколько это было возможно, свою одежку, я зашел в лавочку. За прилавком я увидел человека лет 35, среднего роста, в меру сытенького, с аккуратной подстриженной клином бородкой и завитыми усами, в жилете и белом фартуке.

– Что тебе, молодец, нужно? – спросил он меня.

– А Вы будете Пётр Григорьевич Ручьевский? – ответил я вопросом.

– Да, я.

– Так вот, я приехал к Вам по письму Андрея Илларионовича.

– А, значит, это о тебе он мне писал. Что это ты такой помятый?

– Да это меня в дороге так помяло.

– Ну, ладно, пойдем в комнату, снимешь котомку и пиджак, наденешь фартук и начнешь работать.

---

⁷³ На рубеже XIX–XX веков пассажирские вагоны в России делились на классы в зависимости от вместимости, степени комфорта и стоимости проезда. В вагонах I и II классов предусматривались купе, паровое отопление, мягкие кресла или диваны. В вагонах III класса отопление было печным, лавки и полки были жесткими, без обивки. Особняком стояли «теплушки», предназначавшиеся для перевозки людей и животных. (Ред.)

⁷⁴ Лот – библейский праведник, спасшийся из гибнущего Содома. Жена Лота обернулась, несмотря на запрет, чтобы взглянуть на город, и превратилась в соляной столб. (Ред.)

⁷⁵ Сейчас – Московский вокзал. (Ред.)

⁷⁶ Панель – тротуар. (Ред.)

И он повел меня за перегородку, в заднюю половину подвала. Там я сначала не мог ничего рассмотреть, кроме икон, перед которыми светились несколько лампадок, но, приглядевшись, увидел, что в комнате присутствуют две молодые женщины и двое маленьких детей. В комнате было одно окно, выходящее во двор. Было оно под самым потолком, и все же больше половины его было ниже уровня мостовой. Я поспешно разделся, бросил свое имущество в угол, надел поданный мне одной из женщин фартук и пошел в лавку работать. Работа состояла в том, что мы с хозяином наполняли маслом двух-, трех-, пяти- и десятифунтовые⁷⁷ жестяные бидончики, зашнуровывали пробки шпагатом, заливали их сургучом и припечатывали каким-то штампом, а когда заходили покупатели, хозяин занимался с ними.

Так я начал учиться торговать. Передо мной открывалась перспектива стать через несколько лет таким же торговцем, как мой хозяин или как Андрей Илларионович. Больших денег для этого не требовалось, нужно было только научиться вести дело и войти в доверие, как обычно говорил мне мой хозяин. Дело в том, что торговали они оба, как и многие им подобные, не на свои средства, а лавочки их были отделениями какого-то склада братьев Афониных.

Но я скоро понял, что это дело мне не подойдет, и у меня пропало желание учиться ему, несмотря на настойчивую агитацию хозяина. Он с посторонними обо мне говаривал: «Этот не как Мишка (служивший у него до меня), хоть не такой расторопный, но воровать он, видать, не будет». Ему хотелось удержать меня и приспособить к делу. И мне хотелось заработать немного денег, чтобы получше одеться и хотя бы рублей тридцать привезти домой.

В глубине сознания я давно уже лелеял мысль о возвращении домой. Я тосковал о деревенской жизни и работе, городская жизнь казалась мне ненастоящей. Я тосковал и о семье (кроме отца), особенно о семилетнем братишке Акимке. Но ехать домой оборванным значило подвергнуть насмешкам не только себя, но и семью.

И, тем не менее, я решил уходить. Я не мог смотреть покупателям в глаза, зная, что мы с хозяином дурачим их самым бессовестным образом. Цены на масло у нас были 17, 19, 21, 23, 25 и 27 копеек за фунт. Покупательница говорит мне: «Дайте, молодой человек, мне получше, вот того, за 27 копеек», а оно у нас все из одной бочки налито! Меня так и подмывало каждый раз сказать: «Бери за 17 копеек, оно такое же».

Кроме того, эта работа не подходила мне еще и потому, что в мои обязанности входило доставлять товар некоторым покупателям на дом, разносить бидоны с маслом по городу, связав их веревкой пуда по два и более, а моя правая нога при долгой ходьбе, да еще с тяжестью, нестерпимо болела. По этим причинам, проработав около месяца, я однажды сказал хозяину: «Давайте мой паспорт, я больше не буду работать». Хозяин рассердился, но я ему смиренно сказал: «Зачем нам с тобой ругаться, ведь я тебе ничего худого не сделал и ничего не задолжал, а если я ничего не заслужил, то можешь мне ничего и не платить». Он так и сделал, не заплатив мне ни гроша.

Получив паспорт и забрав свою котомку, я вышел на улицу и только тогда подумал, куда же мне теперь идти? В Питере у меня были знакомые, земляки. Например, дядя, сын брата моей бабушки, Василий Григорьевич Незговоров, 40-летний холостяк. Он был галерейным служителем в музее императора Александра III⁷⁸, находившемся в бывшем Михайловском дворце. Я у него уже бывал, поэтому знал его квартиру. Этот дядя приезжал на побывку домой и был у нас в гостях, когда мне было еще лет 10. Помню, меня поразило тогда его костюм, какого я ни на ком раньше не видал, особенно крахмальные воротник и манжеты – я по наивности думал, что у него вся рубаха такая. Восхищал меня и его «городской» разговор, и мне тогда уже очень хотелось, чтобы он увез меня в Питер. Но я был для этого еще мал и увез он тогда с собой моего двоюродного брата, сына отцовой сестры, Васью Кошку, как он был прозван в

---

⁷⁷ Фунт – мера веса, равная 409,5 грамма. (Ред.)

⁷⁸ Ныне Государственный Русский музей в Санкт-Петербурге. (Ред.)

школе. Он хотя и был старше меня на три года, но учились мы вместе, и учился он очень плохо. Теперь этот Васька Кошка, выучившись столярному делу, работал на столярной фабрике, на Рыбацкой улице.

Были в Питере из нашей деревни еще Митька Пестерь и Акимко Киршонков – оба они остались в Питере после солдатчины и работали на Балтийском заводе⁷⁹ уже около десяти лет, а также некий Микола Лёвин.

Этот Микола за несколько лет до этого приезжал на побывку к отцу, который был потомственным бедняком и любил выпить. Кроме Миколы у него было еще три сына, но дома жил только младший, Олекса, тогда еще подросток. Мы с ним вместе мечтали, по примеру Стефана Пермского⁸⁰, когда подрастем, проповедовать православную веру среди каких-нибудь язычников. О Миколе ихнем у нас тогда часто говорили, что он живет на очень хорошей «ваканчии».

Вероятно, поэтому отец мой купил тогда полбутылки водки и послал меня к нему: «Иди-ко, Ванько, угости Миколу-ту, дак не увезет ли он тебя в Питер, не приставит ли там к какому делу». Когда я пришел к Лёве, Микола только что встал, сидел с похмелья нахмуренный, его угощала зеленым луком сестра его Марика, девка-невеста, правда, рябая.

Я несмело вытащил полбутылки из кармана со словами «Вот, Миколай Левонтьевич, это тебе батюшке послал». Он бесцеремонно взял ее у меня и почти всю залпом выпил, после чего заметно повеселел, а я, пользуясь этим, завел разговор насчет «места». Он меня обнадежил, пообещал, что как только приедет в Питер, разузнает насчет подходящего места и мне напишет. Служил он, тоже после солдатчины, уже больше десяти лет швейцаром в Смольном институте⁸¹.

Вот теперь я и думал, к кому из этих знакомых мне пойти. Решил идти к дяде Василию Григорьевичу. Когда я со своей котомкой робко вошел к нему, он явно не был обрадован. Попенял мне, что я не стал жить в лавке: ведь в люди мог бы выйти. Я, как умел, объяснил причину ухода.

– Ну, что ж, поживи пока у меня, поищем другого места.

Квартира у него была хорошая, казенная: они вдвоем с соседом, тоже холостяком, занимали по комнате и имели общую хорошую кухню. Одевались тоже хорошо, но насчет харчей скупались. Дядя варил суп сразу дня на три да иногда покупал немного творогу и полбутылки молока. Даже черный хлеб настолько экономил, что каждую корочку прибирал, складывал в горшок и плотно закрывал, чтобы хлеб не иссыхал. Видя это, я очень стеснялся у него есть, да он меня особенно и не потчевал.

Своих же денег у меня не было ни копейки, чтобы купить хотя бы фунт хлеба, поэтому пришлось крепко поголодать в те две недели, которые я у него жил, пока не нашел работу. В ближайший же день, придя со службы, которая продолжалась с 10 утра до 4 дня, дядя сказал: «Ну, сегодня пойдем искать тебе место, а чтобы господь нам помог, давай помолимся». Он благоговейно зажег лампадку и встал в молитвенную позу перед иконой. Пришлось присоединиться и мне, хотя мне было смешно, я не ожидал, что «городские» бывают такие богомольные. Чтобы дядя не заметил моей усмешки, я встал позади него. Дядя сначала молился в пояс, а потом встал на колени, громко читая при этом молитвы. Все это повторял и я.

И так в течение нескольких дней подряд мы сначала молились, а потом шли искать «место». Ходили по чайным, по трактирам, к сапожным мастерам, но нигде в моих услугах не нуждались. Я ходил за дядей как тень.

---

⁷⁹ Балтийский завод – один из крупнейших судостроительных заводов России, существует до сих пор. (Ред.)

⁸⁰ Святитель Стефан Пермский – русский епископ, проповедовавший христианство среди народа коми. (Ред.)

⁸¹ Смольный институт благородных девиц – старейшее женское учебное заведение в России. (Ред.)

Однажды дядя на улице обратился к попавшемуся навстречу попу с просьбой оказать нам содействие, но поп почему-то шарахнулся от нас, как от зачумленных. Дядя долго смотрел ему вслед, пожимая плечами: видно, не того он ожидал от служителя бога.

Наконец, после двухнедельных поисков, мне нашлось место на папиросной фабрике «Лаферм»⁸², на Васильевском острове, с поденной платой 45 копеек. Из этих денег я должен был выкраивать и на питание, и на квартиру, и на одежду. Мы решили, что это будет для меня временная работа, дядя же будет подыскивать другую, лучшую. Поэтому я не искал для себя угол, продолжал жить у него.

Правда, приходилось очень далеко бегать на работу, которая продолжалась с 7 утра до 7 вечера⁸³ с часовым перерывом на обед. Чтобы я не просыпал утром, дядя дал мне будильник и научил его заводить. Я заводил его на 5 часов, и он в это время настойчиво меня будил. Я вскакивал и первым делом прекращал звонок, чтобы не потревожить дядю, а особенно его соседа, но тот был очень «будкий», от первых звуков будильника пробуждался и начинал за стенкой ворчать. Это меня очень стесняло, но без будильника я, конечно, стал бы просыпаться, так как ложиться спать приходилось не раньше 11–12 часов.

На фабрике я работал в том отделении, где готовые папиросы укладывали в пачки. Меня поражало, с какой быстротой рабочие это делали: ведь нужно было взять точно 25 или 10 штук, а они это делали так быстро, что невозможно было уследить за движениями их рук. Я с непривычки с трудом успевал от двух таких рабочих снимать со стола и складывать рядом в ящик наполненные пачки, хотя это не требовалось делать тщательно, так как их в этом ящике только переносили этажом ниже для заклеивания и наложения бандероли.

На мой вопрос, сколько же они зарабатывают, рабочие ответили, что по 2 рубля в день. Меня поразила эта огромная сумма, но в то же время я чувствовал, что для меня она недосяжима, мне никогда не научиться так быстро это делать. Кроме того, я решил не оставаться здесь еще и потому, что рабочие этой фабрики часто заболевали чахоткой⁸⁴, лица у рабочих и работниц были зеленые, изможденные, даже у молодых.

Парни и девушки мне казались избалованными, те и другие курили (я, между прочим, за 11 дней работы на этой фабрике не выкурил ни одной папиросы). В ожидании свистка мы собирались и сидели во дворе фабрики, проводили это время оживленно: балагурили, подшучивали друг над другом.

Тут как-то удивила меня одна девица лет 18, с довольно приятным и умным лицом. Ее спросили товарки: «Ну, как, Катька, вчера день провела (был выходной, воскресенье)?» – «Да ничего, была у рыжего Васьки, попили пива, а потом на кровати с ним полежали». Слушая такие разговоры, я думал, что я не должен так же опуститься и что мне надо с этой фабрики уходить.

Вскоре такая возможность представилась: мне нашлось место в военно-морском госпитале на Старо-Петергофском проспекте⁸⁵, служителем при больных – безруких и безногих инвалидах, вернувшихся из японского плена.

Жалованье нам, служащим, давали 10 рублей в месяц, квартиру или общежитие не предоставляли, но мы могли спать на свободных кроватях между больными, а также могли

---

⁸² Фабрика «Лаферм» – первое табачно-папиросное предприятие в России, находилось на Васильевском острове, позднее – фабрика им. Урицкого, сейчас – торгово-офисный центр «Торговый остров». (Ред.)

⁸³ В 1897 году в России впервые был принят закон, регламентирующий продолжительность рабочего времени – не более 11,5 часа в сутки. При этом средняя продолжительность рабочего дня в промышленно развитых европейских странах была на час короче. Требования 8-часового рабочего дня стали важной частью программы рабочего движения во время Первой русской революции. К 1913 году рабочий день на большинстве предприятий России составлял 9–10 часов. (Ред.)

⁸⁴ Чахотка – туберкулез. (Ред.)

⁸⁵ Первый в России военно-морской госпиталь, основанный по указанию Петра I в 1715 году. В XVIII – начале XIX века размещался на Выборгской стороне. В 1836 году переведён на Старо-Петергофский проспект. В настоящее время Санкт-Петербургский Военно-морской клинический госпиталь № 1. (Ред.)

пользоваться остающейся от них пищей. Правда, этот ресурс был непостоянен: когда оставалось, а когда и нет. Но я уже привык не только не обедать, но и вообще есть не каждый день. Например, работая на фабрике, я питался тем, что два раза в день покупал по фунту черного хлеба (2 копейки за фунт) и этим довольствовался, разве что еще иногда брал на 2–3 копейки вареных потрохов, которыми торговали женщины у ворот фабрики.

От 11-дневного заработка на фабрике я отдал дяде три рубля – за то, что я жил у него на квартире и до поступления на фабрику питался (корочками). Правда, он не требовал у меня платы, но и не отказался, когда я предложил.

Работа и жизнь в госпитале, среди этих безруких и безногих «героев» открыла мне глаза. Я узнал от них правду о боге и о царе. Хотя среди них не было очень грамотных и развитых, могущих обосновать и доказать правильность своих взглядов и мнений, но все они были совершенно неверующими и довольно остроумно высмеивали бога и святых. Царя они величали не батюшкой, а кровопийцем, министров и генералов честили ворами.

Были у них привезенные из Японии запрещенные книги (там среди них работали революционеры). Я читал их запоем и окончательно укрепился во мнении, что бога нет, а для того, чтобы улучшить жизнь для трудящихся, надо свергнуть царское правительство.

Однажды эти «герои» заявили, что им дают плохую пищу и потребовали начальника госпиталя. Явился старенький адмирал, он попробовал суп (помню, из миски инвалида Покровского, у которого не было обеих ног выше колен) и прошамкал своим беззубым ртом: «Что вы, братцы, суп очень хороший, я и сам такой же всегда ем». Я не успел еще ничего сообразить, как «братцы» окружили адмирала плотным кольцом и над головами замелькали костыли и культяпки рук. Подоспевшие «архангелы» кое-как адмирала выручили и увели.

Этот случай еще выше поднял в моих глазах этих моих первых настоящих учителей. Но, смотря на них, мне было грустно: вот пока они здесь, все вместе, пока обеспечены жилищем, питанием и имеют деньжонки (им причиталось за время войны рублей по 200–300, и теперь им выдали их единовременно), они не чувствуют своего несчастья. А когда разъедутся по домам безрукие, безногие, неспособные к труду, они будут обузой для родных, будут чувствовать себя лишними и, может быть, превратятся в жалких нищих и пьяниц.

В эти дни я не переставал тосковать о доме и родных. Больше всего я думал о братишке Акимке – ему было тогда 6 или 7 лет – и о сестре Ольке⁸⁶, которая была моим постоянным спутником в работах. Мне очень хотелось домой, но стыдно было возвращаться еще более оборванным, чем тогда, когда уезжал из дома.

Между тем не было надежды, что я и в будущем, получая 10 рублей в месяц, смогу накопить денег, чтобы приобрести одежку или, как говорили тогда в Питере, экипироваться. На свое жалованье мне приходилось почти целиком питаться. Я не мог поступать так, как мои коллеги, которые тянули хлеб, булки и наживались от инвалидов, когда те посылали их в лавочку купить что-нибудь, иногда и водку. Посылали и меня, и я ходил, но сдачу приносил полностью. Мне предлагали иногда за труды «на чай», но я отказывался, не брал.

Купил я у одного раненого бушлат и брюки из какого-то материала вроде палаточного – им такие выдали в Японии – за 2 рубля, наш привратник за полтора рубля перешил мне их, и я стал обладателем нового костюма. Дожив до конца августа, я взял расчет и уехал домой, даже не простившись с дядей: боялся, что он будет ругать, зачем уезжаю.

За лето, прожитое в Питере, я, конечно, побывал кое у кого из знакомых. Был, например, у своего двоюродного брата Васьки Генаева, по прозвищу Кошка, он работал на Выборгской стороне, на столярной фабрике. Пришел я к нему в воскресенье. Он снимал угол (то есть жил не один в комнате) в маленьком деревянном доме. Дома его не оказалось, он ездил с девчатами кататься на лодке, но скоро вернулся, встретил меня радушно, велел хозяйке поставить

---

⁸⁶ Так в нашем месте уменьшительно называют Александру. (Авт.)

самовар и угостил меня чаем с ситным⁸⁷. За чаем рассказал он мне о своей жизни. Работал он подмастерьем, зарабатывал рублей 40–50 в месяц. Жить бы на эти деньги тогда, конечно, можно, но беда была в том, что он научился не только столярить, но и выпивать и поэтому частенько даже сидел впроголодь. Домой он, разумеется, ничего не посылал.

Незадолго перед этим он вышел из больницы – 9 января у него прострелили ногу⁸⁸. Я надеялся, что он мне расскажет что-нибудь об этом событии, спросил его, зачем, мол, ты пошел?

«А все пошли, так неужели я буду оставаться?» И ничего больше не рассказал.

Был я и у Николая Левина: посоветовавшись с дядей, пошел просить его насчет места. Нашел я его скоро, так как Смольный и тогда весь Питер знал (а теперь знает весь мир)⁸⁹. Когда я пришел, он как раз находился на своем швейцарском месте и в своей ливрее. Я поздоровался с ним: «Здравствуйте, Николай Леонтьевич!» – «А-а, здорово, здорово, Иван, что, в Питер надумал?» – «Да, надумал, да вот места не могу подыскать». – «Давай, иди, – говорит, – в комнату, там Маша дома, сейчас и я приду, обедать будем».

Я ушел в комнату, которая была тут же рядом, и насилу его дождался, так как жена его, как будто сердита на меня, ничего со мной не разговаривает. Наконец он пришел, жена собралась обедать, пригласили и меня. Никола вытащил откуда-то бутылку, налил рюмку и предложил мне: «Выпьешь, Ванюшка, перед обедом-то?» Я ответил, что совсем не пью. «Ну, так я за твоё здоровье выпью».

Суп был подан не в тарелках, а в общем блюде. Я зачерпнул ложку, взял в рот и почему-то показался он мне противным, как из сальных свечей. Сколько я ни старался проглотить его, набив в рот побольше хлеба, мне это не удалось, пришлось незаметно спровадить его под стол. И больше уж я, конечно, к супу не прикасался. Хозяева как будто не замечали, что я не участвую в еде – они, по-видимому, видели мои старания с первой ложкой, так я с тем и вышел из-за стола.

После обеда я попросил Никола похлопотать насчет места. Он охотно и быстро собрался и пошел, сказав: «Ладно, я схожу тут кое к кому, спрошу», но подозрительно скоро вернулся. Нет, говорит, нигде не нужно. Так ни с чем я и ушел.

Потом мы с дядей еще вдвоем ходили к нему, дядя хотел сам его попросить. Когда мы подходили к его квартире, заметили, что он стоит у окна, но когда зашли в комнату, его не оказалось, и Маша сказала, что он ушел в город и, наверное, вернется нескоро. Потолок в комнате у них был очень высоко, и в одном углу под потолком был настил из досок вроде наших деревенских полатей.

Дядя дернул меня за рукав и показал глазами на эти полати. Но ордера на обыск у нас не было, пришлось откланяться. Тут я понял, что зря выпоил Николе в свое время сороковку.

Был еще со мной такой случай. Когда я был без работы и жил у дяди, он как-то устроил вечер, пригласив 6–8 своих, а значит, и моих, земляков. Как водится, купил он несколько бутылок дешевеньких вин и водки, накупил разных закусок – тут и колбаса, и сыр, и ветчина, и кильки, булки сдобные, печенья сахарные. Вся эта снедь меня, впрочем, почему-то не очень соблазняла, я думал только о том, как бы хлеба черного поесть досыта.

Еще днем я почувствовал, что этот вечер будет для меня полон мучений. Я боялся, что меня будут настойчиво приглашать к столу, хотя дядя об этом ничего не говорил.

На мое счастье планировка квартиры была такова, что гости, проходившие в комнату дяди, не видели меня, сидевшего в противоположном углу кухни, которая к тому же была слабо освещена. Но вот гости собрались, началось угощение, и кому-то там пришло-таки в голову

---

⁸⁷ Ситный (хлеб) – испеченный из просеянной муки, то есть хорошего качества. (Ред.)

⁸⁸ 9 января 1905 года произошли упомянутые выше события Кровавого воскресенья. (Ред.)

⁸⁹ В здании Смольного института во время Октябрьской революции 1917 года располагался штаб большевиков. (Ред.)

пригласить к столу и меня. Сначала пришел дядя, зашептал: «Иди, Ванюшка, к гостям, ведь там все наши». – «Да как же, дядя, я пойду, ведь я одет как нищий, в тряпье». Дядя предложил принести свой костюм, но я отказался, так как знал, что в чужом, не по плечу, костюме, о чем все будут знать, я почувствую себя еще более неловко.

Дядя ушел, но вскоре пришла Верочка. Она была из нашей же деревни Норово, немного меня старше, ее увез в Питер этот дядя. Она пожила немного прислужгой, а потом, лет в 16, вышла замуж за рабочего Ковалева, трезвого и хорошо зарабатывавшего. Жили они неплохо, а одевалась она, на мой взгляд, даже с шиком.

Верочка стала настойчиво тащить меня в комнату, но я и на этот раз отказался. Я скорее согласился бы провалиться в преисподнюю, чем выйти в таком жалком виде к таким шикарным одетым людям, тем более теперь, когда меня там ждут, и я уже при входе в комнату буду встречен глазами всех присутствующих. Нет, это было выше моих сил, и я отказался, хотя мне и жаль было огорчать свою землячку.

Так весь вечер, примерно до часу ночи, я просидел в темной кухне. Мне очень хотелось есть. Я пошарил в горшке, в который дядя складывал после обеда обрезки хлеба, и, надеясь, что дядя после праздника не заметит убыли, выбрал несколько менее заметных корочек, съел их и почувствовал себя удовлетворенным, почти счастливым.

Когда гости расходились, я наблюдал из своего угла и впервые увидел, как люди помогают друг другу одеваться: некоторые мужчины помогали надевать пальто женщинам, а дядя старался успеть помочь всем. Мне это показалось совершенно ненужной и унижительной услугой.

Тогда я еще не знал, что увижу в Питере и не такое, увижу, как помогают одеваться и раздеваться не только гостям, но и совсем незнакомым, а те за это подают помогавшему гривенник или двугривенный, и называется это подавание почему-то не милостыней, а «на чай».

Дома

Домой я явился без гроша и больным – в дороге простудился, но дня через три-четыре отлежался. Домашние особого восторга по поводу моего возвращения не выражали: малые братишки и сестры потому, что гостинцев не привез, а матери просто неловко было за меня перед соседями. Все же по их глазам я видел, что они мне рады. А отец ходил хмурый, не ругался пока и ничего не спрашивал.

В общем, я скоро освоился. Приговорив себе балахон и лапти⁹⁰, я, чтобы загладить свои «прегрешения», рьяно принялся за текущие хозяйственные работы. А так как на чужбине я стосковался по привычным домашним работам, то выполнял их с удовольствием, даже с жадностью.

Поэтому и отцом я был молчаливо «признан», тем более, что ему мое присутствие было выгодно: при мне «молодые кадры» нашей семьи могли выполнять любую работу без его участия.

А он был очень не прочь полежать на печи или посидеть со щепоткой табаку на лавке. За этими занятиями он мог проводить целые дни, если видел, что дело делается и без него.

Старшая сестра, когда я уехал в город, поняла, что теперь ей придется больше соприкасаться с отцовской «лаской», и изъявила желание выйти замуж за первого посватавшегося парня, которого никогда даже не видала. Их деревня была от нашей верстах в пятнадцати. Про жениха ей наговорили, что он умный, как девушка, работающий, не матюкается⁹¹.

---

⁹⁰ Балахон – домотканая рабочая летняя одежда (Л. Ю.), лапти – крестьянская обувь, сплетенная из лыка – подкорного слоя древесины лиственных деревьев. (Ред.)

⁹¹ То есть не выражается бранными словами, не матерится. (Ред.)

Это все было близко к правде, но кроме того он оказался непроносен на язык⁹² и нерасторопен, что по-местному определялось «как баба». Сестра же была красива лицом, среднего роста, в меру полновата, на работе не последняя, к тому же опрятна и брезглива. Бывало, во время летней горячей работы отец не даст ей времени в субботу прибраться и вымыть пол в избе, так она ночью вымоет. Конечно, если бы она не поспешила, то для нее нашелся бы муж получше.

А выйдя за такого, она его невзлюбила и вскоре стала его просто третировать. Не особенно почтительна она была и к свекру и к свекрови: они тоже были тихонькие, но любили гнусить, а она этого не терпела. Она и мужу говаривала: «Лучше бы ты, как другие мужики, ругался, да дело знал, а не гнусил».

Был в ихней деревне удалой парень Васька Оськин, он мог бы быть ей подходящим мужем. И однажды в престольный праздник, поймав ее вечером в снях, он сделал ей некоторое предложение. А она как заорет на него, а потом схватила подвернувшееся под руку полено и запустила ему вслед. Долго он не смел после этого показываться ей на глаза.

Так и прожила с нелюбимым, детей уйму народила. Дети все пошли в отца, она и их за это не любила, шерстила, как собачат⁹³. Не раз говорила мне: «Из-за тебя я за этакого растяпу попала». Если бы тогда разрешались разводы, едва ли она прожила с ним больше года. Но в то время право расторжения браков было предоставлено только апостолу Петру, вот и пришлось жить⁹⁴.

Приобжившись дома, я как-то зашел к своему старому знакомому, учителю приходской школы Михаилу Александровичу Кузнецову, попросить что-нибудь почитать.

– Ну, как в Питере пожилось?

– Ничего, да только вот без копейки вернулся.

– Это ничего, деньги-то, надо полагать, там такие же, как и здесь. А знаешь, – продолжал он, – когда ты собирался ехать, я не удерживал тебя не потому, что надеялся на то, что ты там хорошо заживешь. А надеялся, что тебе там кое-что в голову вдолбят. Ну, как, теперь жития святых читать будешь?

– Нет, Михаил Александрович, отчитал. Вот нет ли у тебя чего-нибудь антирелигиозного, покрепче? А знаешь, ведь все-таки первое-то семя неверия во мне ты посеял.

Помнишь, когда я принес тебе в переплет свои книжонки, ты посмотрел и сказал: «Книжонки-то дрянь, и переплетать не стоило бы», а я возразил: «Как дрянь, ведь божественные», – «Ну, ладно, – говоришь, – оставляй, переплету». А потом мы зашли в класс, там на картине был изображен пляшущий пророк Давид⁹⁵, и ты пропел ему какой-то плясовой куплетик, а дело было в воскресенье, начиналась обедня.

Идя домой, я размышлял: «Что же это такое, человек образованный, а так смеется над святым пророком, да и книжки, говорит, дрянь», но так ни к какому выводу не пришел, однако решил никому этого не рассказывать, чтобы тебе, думаю, за это не попало.

– Правильно и сделал, попасть могло бы. Ну, а насчет книжек, так у меня ничего для тебя нет. А вот познакомься-ка ты с нюксенским учителем, у него найдешь, что тебе нужно. Скоро

---

⁹² Непроносен на язык – заика, косноязычный. (Л. Ю.)

⁹³ Шерстит, как собачат – бьет, плохо обращается. (Л. Ю.)

⁹⁴ В Российской империи развод совершался лишь церковным судом с разрешения Священного Синода и по строго ограниченному поводам (доказанное прелюбодеяние супруга, судебный приговор с лишением всех прав состояния или со ссылкой в Сибирь, безвестное отсутствие супруга более пяти лет, принятие супругами монашества). Даже в этих случаях получить развод было крайне сложно. (Ред.)

⁹⁵ Давид – легендарный царь Израильско-Иудейского государства, упомянутый в Библии. Автор имеет в виду библейский эпизод, когда Давид в благоговейном ликовании плясал перед ковчегом Господним в священническом одеянии. (Ред.)

Кузнецов куда-то уехал. Я сошелся с учителем Нюксенского земского училища⁹⁶ Шушковым Ильей Васильевичем⁹⁷.

Сначала он давал мне библиотечные книги, а потом, узнав поближе, начал давать бесцензурные, изданные в Ростове-на-Дону⁹⁸. А потом я брал у него целые пачки брошюр и прокламаций для раздачи по деревням.

Из названий прокламаций я запомнил только Выборгское воззвание, написанное членами Первой Государственной Думы после ее разгона⁹⁹, в нем русские крестьяне призывались не давать царю рекрутов и не платить податей. Оно мне казалось менее революционным, чем другие, которые приходилось распространять.

Из книжек и брошюр тоже запомнились названия немногих. Но хорошо помню, например, такую: «Хватит ли на всех земли?». Это была маленькая книжка в белой обложке, в ней говорилось, сколько земли захватили себе помещики, монастыри, уделы и духовенство. Хотя в нашем месте не было ни помещичьих, ни монастырских земель, эту книжку мужики слушали очень охотно, и я читал ее вслух при каждом удобном случае, даже на деревенских сходках.

Очень большим успехом пользовалась еще книжка под названием «Невозмогу». Эта была побольше, страниц около ста, в ней рассказывалось, как крестьяне запахали помещичью землю, а потом посадили в холодную исправника, пристава, попа и урядника¹⁰⁰. К Шушкову ходил не один я, таких завсегдаев у него был не один десяток, но большей частью из самой Нюксеницы, где он жил. Мне ходить к нему было далековато, километра три, но в зимнее время я делал это почти каждый вечер¹⁰¹. Бывало, как приеду из лесу, спешу поскорей поесть и к нему. Летом, конечно, можно было ходить только по воскресеньям. Часто мы оставались с ним вдвоем, засиживались до полуночи и дольше, иногда он меня провожал едва не до нашей деревни.

В числе многих других я в это время прочитал такие книги, как «Овод», «Спартак», «Под игом»¹⁰². Помню, с увлечением прочитал популярную книжку по астрономии «Дедушка Время», кажется, Рубакина, она очень укрепила мой атеизм. Еще большую роль в этом отношении для меня сыграла небольшая книга Бебеля «Христианство и социализм»¹⁰³. Когда я прочитал в ней сначала письмо к Бебелю католического священника Гогофа, то подумал, что же Бебель сможет возразить? Но, прочитав ответ Бебеля, я просто пришел в восторг. Его аргу-

---

⁹⁶ Нюксенское земское училище было открыто в 1874 году. Такие народные училища с трехгодичным курсом обучения работали параллельно с приходскими школами, восполняя недостаток последних. В 1891 году училище по решению Великоустюгского уездного земства было закрыто и вновь открылось лишь в 1903 году. (Ред.)

⁹⁷ Илья Васильевич Шушков преподавал в Нюксенском земском училище в 1904–1906 годах. По воспоминаниям нюксян, И. В. Шушков был человеком общительным и имел прогрессивные взгляды. И. В. Шушков был членом союза учителей Великого Устюга. (Ред.)

⁹⁸ В дореволюционной России существовала цензура, за нарушение правил издателей мог ждать штраф, арест, тюремное заключение. Неподцензурная литература издавалась и распространялась нелегально. (Ред.)

⁹⁹ «Выборгское воззвание» – обращение группы депутатов 1-й Государственной думы 10 июля 1906 года в Выборге в ответ на роспуск Думы указом Николая II. Документ призывал «граждан всей России» к пассивному сопротивлению властям до нового созыва Думы. Против лиц подписавших «Воззвание», было начато уголовное преследование: 167 бывших депутатов были осуждены на три месяца тюремного заключения и лишены избирательных прав. (Ред.)

¹⁰⁰ Исправник – глава уездной полиции. Пристав – здесь: становой пристав – полицейское должностное лицо, возглавляющее стан – полицейско-административный округ из нескольких волостей. Урядник – нижний чин уездной полиции, подчиненный становому приставу и ведающий определенной частью стана. (Ред.)

¹⁰¹ Нюксеница и Дунай расположены на разных берегах Сухоны, зимой можно было дойти из одной деревни в другую по льду. (Ред.)

¹⁰² «Овод», «Спартак», «Под игом» – «Овод» – популярный в России роман американской писательницы Э. Л. Войнич о деятельности итальянских революционеров первой половины XIX века. «Спартак» – исторический роман Р. Джованьоли о восстании рабов в Древнем Риме. «Под игом» – роман болгарского писателя И. Вазова, посвященный освободительной борьбе болгарского народа против турецкого владычества. (Ред.)

¹⁰³ Брошюра Бебеля «Христианство и социализм» (1874, издана в Женеве на русском языке в 1905 году), посвященная анализу социально-экономических причин возникновения религии и путей ее преодоления, была популярна в России 1900-х годах и, по свидетельству современников, продавалась за пять копеек на железнодорожных станциях. (Ред.)

менты я постарался покрепче усвоить и с еще большей горячностью повел беседы о том, что бога нет.

Если до поездки в Питер меня звали «апостолом», то теперь перекрестили в «безбожника». Такое прозвище в то время большинством считалось оскорбительным и унижающим, в этом смысле и употреблялось, но я внутренне им гордился. Не беспокоил меня и усиленно распространявшийся слух о том, что я сошел с ума. В подтверждение этого приводились такие доказательства, которые я считал для себя лестными: «не молится богу», «не ходит в церковь», «по постным дням скромное ест» и т. п.

В тогдашнем шушковском «активе» среди распространявших нелегальную литературу и прокламации были такие как Бородин Иван Прокопьевич – хозяин дома, в котором была школа и квартировал учитель. Они оба с женой были в числе «активных», но это не мешало им драться с учителя за стол весьма не божескую цену.

Был еще Бородин Михаил Романович, мужик средних лет, с солидной внешностью. Про этого говорили тогда: «Миша Романов дак и в гости-то ездит с Библией». Он действительно любил пользоваться Библией для разоблачения религии. Оба эти Бородины Октябрьскую революцию встретили враждебно, во время НЭПа выросли в крепких кулаков. Они, как и почти все, ходившие тогда к Шушкову, еще во время разгрома революции 1905–1906 годов перекрались, стали аккуратно посещать церковь и сделались почтительными к начальству в лице урядника, старшины и других.

Но тогда, в 1906 году, – какое это было прекрасное время, казалось, что сам воздух делал людей революционными. Вот несколько характерных эпизодов.

Однажды летом, в праздничный день, прибегает утром ко мне посланный и говорит: «Юров, иди, у нас на Норове собрались все мужики, тебя зовут». Я подумал, что они, по обыкновению, собрались, чтобы в свободное время побеседовать, захватил кое-какую литературу и пошел. Прихожу, вижу: настроение бурное, боевое.

– Мы в Нюксеницу собрались идти.

– Чего же там хотите вы делать?

– А арестуем всех, кто за правительство: урядника со стражниками, старшину и всех торговцев.

– А потом что?

Они призадумались, но ненадолго:

– А может, учитель скажет, что потом нужно будет делать.

Мне с трудом удалось уговорить мужиков, что этого делать теперь не нужно, а когда будет нужно – учитель или кто-то другой скажут. Провел я с ними тогда хорошую беседу, и они разошлись в надежде, что скоро их все-таки позовут для таких дел.

Сельским старостой¹⁰⁴ был у нас тогда Белозеров Осип, или, как его обычно звали, Оська Крысенский, потому что был он из деревни Крысиха. Обязанности свои он выполнял так. Придет к нему в правление какой-нибудь мужик из числа аккуратных плательщиков и скажет: «Вот, Осип, я подать¹⁰⁵ хочу заплатить». Взглянет наш Осип на мужика: «Подать? А зачем?» – «Как зачем, ведь надо же платить». – «А кто теперь платит? Иди-ко, брат, лучше купи ребятишкам по штанам». И мужик уходил, унося деньги домой. И долгонько наш Оська так служил, но потом его все же земский начальник сместил.

---

¹⁰⁴ Сельский староста – выборное должностное лицо сельского общества, представлявшее село в волостном правлении. Сельский староста избирался на три года и находился в подчинении у волостного старшины и земского начальника. (Ред.)

¹⁰⁵ С 1885 года крестьяне Европейской России перестали платить подушную подать (налог, взимаемый согласно переписи населения). Вместо нее был введен поземельный налог, до 1903 года разверстывавшийся на сельскую общину и выплачиваемый по принципу круговой поруки. С 1903 года была установлена личная ответственность крестьян перед казной, но точную сумму налога с каждого члена общины определял сельский сход. (Ред.)

Несколько позднее к нему за получением недоимки пожаловал сам урядник с шестью стражниками¹⁰⁶. Осипа дома не привелось, но сын его, Сашка Крысенский, тогда еще молодой парень, не подкачал. Урядник, зайдя в избу, по обыкновению стал забирать самовар. Жена Оськи (мать Сашки) ухватилась за него, не отдавая. Один из стражников толкнул ее прикладом, а она была беременна, заревела. Сашка, лежавший на полатах, как закричит – а парень он был дюжий и голос имел подходящий: «Вы что тут, мироеды, расхозяйничались!» Один из стражников, желая, по-видимому, его попугать, сунул примкнутому к винтовке штыком по направлению к нему на полати, но не успел и глазом моргнуть, как винтовка осталась в руках у Сашки. Он спрыгнул на пол и, держа винтовку за ствол, хлестал ее прикладом об пол, крича: «Уходите, мироеды, а то всех перебью!» Потом, бросив разбитую винтовку, схватил топор. Стражники ударились в панику и, давя друг друга в дверях, спешили спастись бегством. В сенях, спустившись гурьбой под лестницу, они никак не могли открыть наружную дверь: она открывалась внутрь, а они напирали друг на друга, боясь, что последних Сашка зарубит. А он, между тем, кричал, размахивал топором, но никого не рубил. Открыв, наконец, дверь, стражники высыпали на улицу, следом за ними вылетел и Сашка и еще свирепее закричал. Тогда они в ужасе бросились бежать из деревни не дорогой, а прямо под гору, на Сухону. При этом урядник торопил их: «Уходите скорее, уходите скорее, зарубит ведь». Так и не унесли самовар.

Был еще такой случай. На одном из митингов был принят приговор на имя, кажется, третьей Государственной думы. Приговор был средактирован Шушковым в очень резких выражениях. Помню, заканчивался он примерно так: «Вы, члены Думы, избраны народом и поэтому должны выполнять волю народа, вы должны добиваться свержения царя и воров-министров. Царь для нас теперь не батюшка, не божий помазанник, а кровопийца, изверг, антихрист». Приговор этот был принят всеми дружно, не было ни одного возражения. Не было и трусливых увиливаний от подписи, старые, неграмотные крестьяне просили, чтобы за них подписались грамотные. Честь открывать этот митинг была предоставлена мне. Проходил он под открытым небом: день был солнечный, жаркий, в начале сенокоса¹⁰⁷.

Когда митинг уже был окончен, но народ еще не разошелся, мимо проходили урядник и крупный торговец Казаков Олэкса (в глаза его называли, конечно, Александр Фёдорович¹⁰⁸). Из толпы им насмешливо кричали: «Приверните, подпишитесь под нашим приговором!» Урядник прошел молча, не повернув головы, а Олэкса Казаков пробурчал: «Давай, пишите уж вы, нам и так хорошо». Из толпы отозвались: «Знаем, что вам-то не плохо!»

Шушков, чтобы сделать приговор более весомым, послал его с надежными людьми для подписания в соседнюю Уфтыгскую волость. Это задержало его отсылку, а между тем урядник и Олэкса Казаков послали донесенье в Устюг¹⁰⁹. Оттуда вскоре прибыл пристав с тридцатью конными стражниками.

Однажды рано утром прибегает ко мне старушка из того дома, где была школа и жил Шушков, и сообщает: «Иванушко, у нас стражники, много стражников с лошадям, дом кругом окружили, обыск делают, Илью Васильевича хотят увезти. Он мне сказал, не можешь ли выбраться из дому, если, говорит, проберешься, то беги на Дунай и скажи Юрову, что стражники здесь». Больше ничего не было сказано, и мне было неясно, что хотел сказать мне этим Шушков – предупредить ли о возможном обыске или что другое. Подумав, я решил собрать

---

¹⁰⁶ Стражник – нижний чин уездной полицейской стражи, эта должность была аналогична городским в городской полиции. (Ред.)

¹⁰⁷ Народные сходы с антиправительственными речами и «приговорами» неоднократно имели место в Нюксенской и соседней Богоявленской волостях в 1905–1906 годах. (Ред.)

¹⁰⁸ Купец Александр Фёдорович Казаков – представитель самой богатой семьи в деревне Нюксенице. Его брат Михаил Фёдорович Казаков был попечителем Нюксенского земского училища. (Ред.)

¹⁰⁹ Великий Устюг – наш уездный город, расположен в 150 км от Нюксеницы на берегу реки Сухоны, у места впадения в нее реки Юг. (Л. Ю.)

в Нюксеницу народ. Поручил матери спрятать подальше имевшуюся литературу, послал брата по деревне, сказать мужикам, что учителя хотят арестовать и увезти, а сам побежал в другие деревни, где также поручал надежным ребятам оповещать мужиков.

Часа через три все мужское население было в Нюксенице. Собравшиеся держались по отношению к стражникам враждебно, угрожали всех их побросать в Сухону, если они попробуют взять учителя. Не обошлось бы в тот день без кровавой свалки, если бы мы – наиболее близкие друзья учителя – не принимали нужных мер. Нашей целью было сохранить порядок и вместе с тем показать полиции, что народ готов на все, чтобы не выдать учителя. Нам это удалось: пристав струсил, Шушкова не арестовали.

Арестовали его за это дело только в начале 1908 года в Петербурге, где он в то время учился в учительском институте¹¹⁰. Просидев следственным полгода в «Крестах»¹¹¹, он был выпущен до суда под залог в полторы тысячи рублей, которые были собраны и внесены учительством нашего Велико-Устюгского уезда. Дело его с товарищами разбиралось выездной сессией Московской судебной палаты в Устюге, об этом процессе будет рассказано ниже.

Любил я в это время поспорить о религии с бабушкой, особенно когда к ним собирались соседи. А а это бывало часто, так как ввиду покладистого нрава дяди Николки соседи любили ходить к нему побеседовать. Хотя развитие мое тогда было намного слабее, чем даже сейчас, я справлялся со своими оппонентами довольно легко. И надо отдать справедливость бабушке, она при всей своей богобоязненности умела и слушать противника, и спорить корректно, я не помню ни одного случая, чтобы она рассердилась, несмотря на резкость, с какой я высмеивал бога и угодников.

На ее излюбленные доводы, что бог наказывает грешников и награждает угодных ему, что кто молится и соблюдает посты, у того и в делах удача и успех, я, помню, обычно приводил ей примеры такого рода. Вот крестьяне, особенно которые победнее, все время дрожат за свое хозяйство, за свою скотинку, а глядишь, весной от бескормицы коровушка и подохла. Навоза у бедняка мало, полоску¹¹² свою он поэтому удобряет плохо. И вот, несмотря на то, что он со слезами просил бога уродить хлеб, урожай оказался никудышный. А вот помещики и богу не молятся, и постов не знают, а коров имеют сотни и, небось, они у них недохнут – не потому, конечно, что их бог любит, а потому, что кормить есть чем. И хлеб у помещика лучше родится. Так как же, мол, бабушка, почему бог так худо разбирается?

Но у бабушки, как у заправского попа, на все были утешительные объяснения: «Бывает, Ванюшка, что бог и любя наказывает, а и по грехам терпит. На том свете всякий свое получит».

Я любил ею пользоваться как оппонентом, это мне очень помогало развивать беседу. Но однажды она меня едва не подвела. Развернули мы так с ней спор, а дело было в дни Рождества, и тут заходит поп с рождественской славой¹¹³. Бабушка к нему за помощью: «Помоги, батюшка, мне внука образумить. Сам знаешь, какой он раньше богомольный был, а теперь вот, как съездил в Питер, так и богу не стал молиться, и постов не разбирает». Поп, помня, что прежде я был примерным юношей, начал меня урезонивать. Я долгонько слушал, потом ска-

---

¹¹⁰ Санкт-Петербургский учительский институт был основан в 1872 году для подготовки учителей для государственных начальных училищ, следовавших за начальной школой. (Ред.)

¹¹¹ «Кресты» – название тюремного комплекса на Арсенальной набережной в Санкт-Петербурге, существующего с 1868 года. Название определено формой пятиэтажных крестообразных в плане корпусов тюрьмы. После революции 1905–1907 годов в «Крестах» стали преобладать политические заключенные. (Ред.)

¹¹² Для крестьянских наделов в России была характерна чересполосица, возникавшая в результате многократных переделов общинных земель и создававшая ситуацию, когда участки земли одного хозяйства чередовались с участками соседей – «полосками». (Ред.)

¹¹³ По традиции, сохранявшейся в русских деревнях и городах до начала XX века, на святочной неделе дети и молодежь в сопровождении дьячка (иногда священника) ходили по деревне «со звездой» (символом Вифлеемской звезды) и стучались в дома соседей, исполняя тропарь «Рождество твое, Христе, Боже наш» и народные стихи-колядки духовного содержания. На русском Севере такой святочный обход называли «христовлавить», «Рождество петь». (Ред.)

зал: «Подожди, отец Владимир¹¹⁴, теперь я поговорю». И принялся я за него основательно, так как народу присутствовало порядочно. Сразу, что называется, взял быка за рога: «Как же, отец Владимир, ты советуешь мне в бога верить, а сам не веришь?» Попа поразил такой выпад, от волнения он начал захлебываться словами: «Как не верю, как не верю, это я-то не верю?» – «Да, – говорю, – не веришь, и я это в два счета докажу». – «Ну-ну, доказывай», – а сам зыркает по народу глазами, как пойманный вор.

Вот, говорю, батя, у вас в Библии есть очень важный завет, заповедь бога, что человек должен в поте лица добывать хлеб свой, а ты вот без поту добываешь его, значит обошел божий-то закон. А дальше, ведь по евангельскому учению пьянствовать и безобразничать не полагается, а ты вот постоянно пьяный и, когда перепьешься, то рамы бьешь или лезешь на колокольню и трезвонишь.

Тут мой поп больше не выдержал, пробурчал что-то угрожающе и выскочил из избы, хлопнув дверью. Даже бабушка рассмеялась: «Ну, Ванюшка, и донял же ты попа-то, он топере доваболи¹¹⁵ осердится».

И верно, осердился. Летом приехал на побывку соседский парень Миша Мисарин, служивший в Устюге, в консистории, делопроизводителем, и рассказал, что поп на меня послал туда донос, который заканчивался такими словами: «Слуг дьявола – крамольников и безбожников не убоимся». Парню этому удалось донос уничтожить, а написать второй батя, по-видимому, из-за пьянки не собрался.

Дома вся семья, кроме отца, была под моим влиянием. И когда отца не было дома, мы практически осуществляли безбожье: мать была с нами заодно, и поэтому без него мы не соблюдали постов и, садясь за стол и выходя из-за стола, не кланялись богу, даже и мать, если не было никого посторонних. При посторонних она, конечно, на это не решалась, зная, что уж про нее-то заговорят больше, чем про меня.

Я же со дня возвращения из Питера и при отце уже не кланялся богу, поэтому он меня еще больше невзлюбил, между нами с этого времени завязалась глухая борьба. Правда, ругал меня в глаза он очень редко, когда уж вовсе осатанеет, а больше просто зверем на меня смотрел. Случалось, если доберется до книжек-изорвет их и побросает в таз, под рукомойник. Иногда грозил пойти пожаловаться уряднику, но до этого не дошло.

Я чувствовал бы себя более независимым и давал бы ему более решительный отпор, если бы моя больная нога не мешала мне быть полноценным работником. К несчастью, в это время я часто едва мог ходить и все ждал, что вот-вот моя нога совсем откажет и тогда я, неспособный ни к какому труду, стану предметом постоянных издевательств со стороны отца.

Особенно сильно болела нога, если я целый день пахал, боронил или жал. Жнива давалась тяжелее всего, потому что, наклоняясь, приходилось больше опираться на носки. Идя с поля, я обычно незаметно отставал и шел один, чтобы никто не видел, как я ковыляю, часто с длинной палкой в руках. Возвращались с работы ночью, это помогало мне скрывать свое несчастье.

В жниву обычно возвращались толпами, парни играли на гармошке, девицы пели песни. А я в это время, бывало, наступлю впотмах на неровное место и от нестерпимой боли присяду и стисну зубы. Иногда все же не мог сдержать стон.

В работе отец мне, конечно, поблажки не давал. Хотя он и хорошо видел, что некоторые работы мне непосильны, но только злорадствовал и направлял туда, где потяжелее.

Однажды великим постом, в 1907 году, мы заготавливали дрова в лесу. Там в лесной избушке и ночевали. Нога моя в это время уставала и болела особенно сильно. С утра еще ничего, хожу, а как поброжу целый день в снегу, так под вечер ступить не могу, полверсты или

---

¹¹⁴ Отец Владимир – настоятель Богоявленской церкви села Устье Городищенское Шадрин Владимир Васильевич. (Ред.)

¹¹⁵ Доваболи – всерьез. (Авт.)

немного больше ходьбы до избушки были для меня пыткой, а когда в избушке прилягу, то уже не могу встать на ноги.

Но мне страшно не хотелось показывать свой недостаток посторонним, а в этой избушке спали люди и из других семей. В числе их была девушка моего возраста, Федорка Федоскова, которая мне нравилась. В глубоких тайниках своего сознания я даже представлял ее иногда своей невестой. Помню, однажды я предложил ей печеной картошки, она без всяких ужимок приняла мое угощение и просто поблагодарила.

Отец в этот раз, против обыкновения, тоже был с нами в лесу и, как обычно, был туча тучей. До конца недели я в этот раз проработать не смог. Встав однажды утром, я сказал отцу, что идти пилить дрова не могу, пойду домой, а потом в больницу. Он ничего на это не ответил, и я отправился.

До дому было верст 6–7, и это расстояние я преодолевал почти целый день. Неровности дороги причиняли мне жестокую боль, и я большей частью брел стороной, по снегу, который на реке был не очень глубок.

Отдохнув сутки дома, я отправился пешком же в больницу, за 25 верст¹¹⁶. Через двое суток я туда пришел. В больницу меня приняли, и я недель шесть там лежал. Лечили меня электричеством, но я видел, что доктор делал это только для очищения совести, надежды исправить мою ногу у него не было. Он просто давал мне возможность отдохнуть. И давал читать запрещенные книги, но предупредил, что надо поаккуратнее, лишнего ни с кем не говорить.

Фамилия доктору была Писарев, в то время он был цветущего здоровья, а через два года умер от какой-то тяжелой болезни. Говорили, что заболел он от огорчения, вызванного изменой жены. В самом деле, вскоре после моего пребывания в больнице был такой случай. К его жене ночью пробирался земский начальник, а он, очевидно, уже выслеживавший, стрелял по нему, но, к сожалению, только легко ранил.

Выписавшись из больницы, я опять кое-как приплелся домой.

Второе путешествие

С этой поры я опять стал подумывать о поездке в город. Ведь дома, сделавшись безногим, я мог оказаться в жалком, униженном состоянии, а в городе не исправят ли, может быть, мою ногу (я читывал в журналах о «чудесах» медицины)?

Но как и куда ехать? Теперь я уже знал, что в городе не всегда легко найти работу. В это время тоже жил дома мой «старый друг» Иван Дмитриевич¹¹⁷. Приехал он домой немногим позднее меня и тоже без гроша в кармане и почти в рубище. Он по поручению своего барина ездил в Москву, с солидной суммой казенных денег, там с этими деньгами забрался на конские скачки и проигрался в пух и прах. Обратного к барину ехать то ли побоялся, то ли постеснялся и из Москвы направился домой.

Во время революционного подъема он был дома, в Нюксенице, но активности не проявлял, скуп был на слова. И все же ему «повезло»: когда отстаивали Шушкова, он взял на себя труд написать от лица собравшихся заявление приставу, за это попал вместе с Шушковым на скамью подсудимых и был приговорен к году крепости.

Как к единомышленнику и товарищу еще по школе, я к нему частенько похаживал посидеть, поговорить. И вот однажды мы с ним вычитали из газет, что в Петербурге американские агенты вербуют рабочих на работы в Америку. Недолго думая, мы решили ехать в Петербург и завербоваться¹¹⁸.

---

¹¹⁶ В село Богоявление, в верховьях речки Городищны (Л. Ю.). Ныне село Городищна. (Ред.)

¹¹⁷ Упомянутый выше Иван Дмитриевич Бородин, к которому автор приехал в сельцо Крутцы Тверской губернии. (Ред.)

¹¹⁸ В начале XX века поток эмигрантов из России существенно вырос. Этому способствовали и агенты судоходных компаний, работавшие во всех крупных портах страны. Именно они вербовали потенциальных эмигрантов, зарабатывая на их

И опять я свой багаж в котомку. Денег у меня – не помню, где я их достал – оказалось 9 рублей, у Ивана Дмитриевича – четыре с полтиной. На пристани к нам присоединился еще попутчик – Пронька Арсененок с Уфтюги, из деревни Мальцевской, бывший матрос, побывавший на войне с Японией.

Из дому он поехал, куда глаза глядят, ему было все равно, куда ехать, поэтому он сразу изъявил согласие двинуться с нами в Америку. Денег у него оказалось 6 рублей, а всего, таким образом, у нас на троих собралось без полтинника двадцать. С тем и отправились.

До Вологды мы доехали бесплатно: капитаном парохода оказался зять Ивана Дмитриевича. На вокзале в Вологде мы стали соображать, как бы уехать до Питера подешевле.

Будто угадав наши мысли, подошел к нам человек, по одежде рабочий-сезонник, заметно выпивший, и спросил, не хотим ли мы сэкономить на билете. Они – артель, 35 человек из Вельского уезда, едут в Колпино¹¹⁹ на кирпичные заводы на летний сезон. На артель взяли они вагон-теплушку¹²⁰, а чтобы еще удешевить свой проезд, набирают попутчиков. С нас он запросил по 2 рубля 50 копеек, а билет стоил 5 рублей 60 копеек. Мы согласились, и он проводил нас в свой вагон.

На нарах нам места уже не досталось, пришлось присаживаться где попало. В числе пассажиров на верхних нарах сидели две женщины. Одна выглядела совсем подростком, держалась обособленно и несмело, другая, лет тридцати, сидела рядом с рябоватым мужчиной очень энергичного вида.

Едва поезд тронулся, наши хозяева начали извлекать четверть за четвертью¹²¹ и распивать чайными стаканами водку. Тут мы узнали, что женщины и рябой мужчина тоже дополнительные пассажиры. «Хозяева» предлагали выпить и нам, но мы все трое заявили, что не пьем, а между собой решили, что надо быть настороже.

Все вельские очень скоро запьянели, начали громко разговаривать и кричать, в вагоне стало очень шумно. Некоторые, показывая на девушку, говорили, что с нее можно денег и не брать, бесстыдно дополняя о способе расчета. Девушка, слыша это, сидела как приговоренная к смерти, не смея поднять глаз и шевельнуться. Когда же один из них, по виду только что вышедший из солдат – был в мундире – нагло полез к ней, намереваясь осуществить замысел, у нее ручьями полились слезы.

Тут мы все трое, как по команде, вскочили на ноги и закричали, что если они посмеют обидеть девушку, то на первой же станции, где остановится поезд, мы заявим жандармам. При этом у нашего бывшего героя Порт-Артура¹²² оказался в руках револьвер, о котором мы с Бородиным не подозревали.

Наше дружное выступление произвело должное действие, все затихли и легли спать (дело было ночью). Перепуганная и спасенная нами девушка перебралась к нам поближе и понемногу разговорилась. Она Кадниковского уезда, Никольской волости, из деревни Мякотиха, Мария Николаевна Соловьева. Этой зимой выходила замуж, но жених ее в первый вечер после венчанья тяжело заболел и через неделю помер. Так она и осталась вдовой-девушкой, было ей 17 лет. Ввиду того, что в доме мужа ей жить было незачем, и обратно в свою бывшую семью ее не приглашали, так как понесли со свадьбой расходы, она решила ехать в Ярослав-

---

перевозке в США. Правительство России пыталось контролировать эмиграцию, периодически вводя различные бюрократические препоны. (Ред.)

¹¹⁹ Вельский уезд с центром в городе Вельске до революции относился к Вологодской губернии. Ныне его территория разделена между Архангельской и Вологодской областями. Колпино – поселение (с 1912 года – город) в Санкт-Петербургской губернии, центр заводской промышленности. Кирпичное производство существовало здесь с 1760 года. (Ред.)

¹²⁰ «Теплушка» – сокращенное название утепленного вагона, служившего для перевозки военных подразделений, арестантов, переселенцев, рабочих. «Теплушки» переоборудовались из крытых товарных вагонов. (Ред.)

¹²¹ Четверть – трехлитровая бутылка (четверть ведра). (Л. Ю.)

¹²² Оборона Порт-Артура – самое продолжительное сражение Русско-японской войны (25 июля – 20 декабря 1904 года), окончившееся капитуляцией русского гарнизона крепости Порт-Артур. (Ред.)

скую губернию, в работницы (то есть в батрачки). Но в Вологде ее этот вот, что в мундире, уговорил ехать с ними, обещая устроить на хорошее место.

Так, разговаривая, доехали мы до Колпина. Там нам пришлось перебраться в пассажирский вагон, и при пересадке мы потеряли ее из виду, да и не предполагали, что наша опека будет нужна ей и дальше.

В Петербурге мы выбрались из вокзала на Знаменскую площадь¹²³ и остановились, чтобы обсудить дальнейший план действий. Время было под вечер, накрапывал дождик. На сердце было мутно: черт его знает, где и переночевать, не говоря уже о том, как удастся устроиться. Мы уже успели узнать, что вербовка в Америку нашим правительством запрещена.

И тут в толпе городской разодетой публики я увидел нашу попутчицу. В деревенской одежке, с котомкой за плечами, она среди этой публики выглядела очень жалкой. По-видимому, она растерялась, не зная, куда ей теперь идти. Присмотревшись, я увидел, что она плачет, и указал на нее Бородину. Пудова (так была фамилия третьего) в это время с нами не было, пошел разведать насчет квартиры. Бородин сказал, чтобы я ее кликнул. Услышав меня, она радостно бросилась к нам.

– Где же ты думаешь ночевать?

Она ответила, что из ихней деревни тут есть девица, но она не знает ее адреса.

– Ну, что ж, если ты нас не боишься, то ночуй с нами, мы так или иначе где-нибудь устроимся.

Деньгами она была еще богаче нас, у нее было их ровно 40 копеек. Отойдя недалеко от площади, мы на одних воротах по Мытницкой улице¹²⁴ увидели наклейку о сдаче комнаты по цене, соответствовавшей нашему бюджету – за 6 рублей в месяц. Поднялись на третий этаж деревянного дома, где должна была быть эта комната. Даже нас, деревенских жителей, не очень избалованных в смысле чистоты, поразило то, что мы увидели. Квартира была битком набита так называемыми угловыми жильцами, семейными и одиночками. Все обитатели этого гнезда были покрыты грязнейшими, отвратительными лохмотьями, в помещении была тошнотворная духота.

На наш вопрос, кто тут хозяйка квартиры, и где комната, которая сдается, к нам подошла старуха в таких же лохмотьях, что и остальные. Открыв маленькую дверцу, она ввела нас в комнату размером в квадратную сажень. В комнате было так же душно и, кроме того, темно, хотя вечер еще не наступил: единственное маленькое квадратное окошечко выходило на чердак и, хотя напротив него было полукруглое слуховое окно, свет в комнату не проникал.

В комнате находились две старухи, они сидели на сундуке и курили. При нашем появлении они начали собирать свое барахлишко и перебираться в общую комнату, хотя, казалось, там уже невозможно было кому-нибудь втиснуться.

За комнату хозяйка взяла с нас 6 рублей в месяц, попросив уплатить вперед. Для этого потребовалось почти все наше наличие.

Мы плотно закрыли дверь и открыли окно, чтобы немного освежить воздух. Потом кое-как на полу разместились. Марье Николаевне уступили лучшее место, на сундуке. Мы втроем договорились к своим родным и знакомым не ходить, пока не устроимся с работой.

Утром Марье Николаевне нужно было в адресный стол, узнать, где живут ее знакомые. Одной ей трудно было бы его найти, и я вызвался ее проводить, решив попутно узнать, где живет Васька Генаев.

На Невском моя спутница, видя, что я собираюсь сесть в трамвай¹²⁵, с растерянным видом остановилась, а когда я предложил ей следовать за мной, грустно заявила, что у нее нет денег.

---

¹²³ Знаменская площадь – с 1918 года площадь Восстания. (Ред.)

¹²⁴ Мытницкая улица – улица в Центральном районе Санкт-Петербурга, сохранившая историческое название. (Ред.)

¹²⁵ Электрический трамвай в Санкт-Петербурге появился в 1907 году. Первая линия была проложена от Знаменской пло-

По-видимому, она решила, что платить нужно много. Я сказал, что уплачу за нее, и что это будет стоить только по пять копеек, тогда она успокоилась, и мы поехали.

В адресном на наши запросы ответили, что таких не значится. Тут моя спутница совсем повесила голову. Я пытался успокоить ее, уверял, что мы ее не бросим, но про себя думал, чем же сможем мы ей помочь, когда у нас на троих и двух рублей не осталось. Ища выхода, я вспомнил о дяде Василии Григорьевиче. Хотя мы и решили не показываться своим родственникам и знакомым, но, видно, придется пойти к нему, попросить его приютить пока девушку и помочь ей найти место прислуги или няни.

Когда я изложил ей свои соображения и заверил, что дядя хотя и холостяк, но человек уже немолодой, добросовестный и ее не обидит, она приняла мой план. Впрочем, выбора и не было.

Мы отправились к месту жительства и службы дяди, в музей императора Александра Третьего. По пути я купил фунт ситного и газету. В ожидании, пока дядя придет со службы, мы присели на скамейку в саду около музея и пополам съели этот ситный.

Потом разговорились. Она рассказала мне о своей жизни в деревне, о своей несчастной свадьбе. Мне очень понравилось, как просто, без всяких ужимок, она держала себя и рассказывала, как будто мы всю жизнь жили вместе. И еще большее она мне внушила к себе уважение, когда, взяв у меня газету, начала довольно толково читать. И тут я подумал, какой хорошей женой была бы она мне!

В последнее время я, несмотря на свою худую ногу и материальную безысходность, частенько мечтал о будущей семейной жизни. В мечтах я видел свою подругу скромной, простой, а главное – грамотной, и не просто грамотной, а, как и я, любящей книгу, видящей в чтении книг высшее наслаждение.

Когда моя собеседница рассказала, как она украдкой от родителей, прячась в укромных местах, читала книги, у меня просто дух захватило: ведь это же то, о чем я мечтаю! Но ей я, конечно, даже не намекнул на это.

Так мы просидели в саду несколько часов, потом пошли проведать, не пришел ли дядя. Около его дома нам встретилась женщина, по виду солидная барыня, и спросила у меня, не в прислуги ли я отдаю девушку. Я ответил, что да, но не я отдаю, а она сама нанимается, так как я для нее чужой. Тут барыня стала звать мою спутницу к себе одной прислугой, с жалованьем 3 рубля в месяц.

Мария Николаевна вопросительно посмотрела на меня: как ей быть, идти или нет? Было видно, что жалованье ей показалось слишком маленьким, она еще, как и я в первую поездку, думала, что в городе ее ждет жизнь обеспеченная. Я же на этот раз смотрел на вещи более здраво, зная, что и такое место можно найти не вдруг. А так как у Марьи Николаевны денег было всего 40 копеек, то ждать лучшего места ей было не с чем. К тому же я не был уверен, приютит ли ее дядя. Словом, посоветовал ей согласиться, и она ушла с этой барыней.

В тот же день я навестил дядю. На этот раз он встретил меня радушнее. Подивился, как я вырос за полтора года, что и не узнаешь. Лампадки перед иконой у него уже не было, а на столе я увидел «Историю Французской революции» и другие в этом же роде книги.

Он велел мне до подыскания места перебираться к нему. Я не обещал, мотивируя нашим уговором, но, переночевав вторую ночь в нашей «уютной» квартире, решил воспользоваться его приглашением и утром сказал об этом своим товарищам.

Они согласились, заявив, что и они при первой возможности отсюда уйдут. Дело в том, что в эту вторую ночь, с вечера и до утра, в квартире происходила драка, сквозь тонкую дощатую перегородку к нам доносилась отвратительная ругань, слышались приглушенные стоны и плач.

Итак, я опять у дяди, и опять без копейки денег, и опять нужно искать место. На этот раз, отправляясь на поиски, мы уж богу не молились, но так как я, умудренный опытом, на большое не претендовал, место мне нашлось скоро. И все же при помощи знакомства: в Мариинской больнице, что на Литейном проспекте¹²⁶, служил дядин знакомый, из ихней же деревни некто Юров Иван Михайлович, он был привратником у ворот с Литейного. Вот при его-то содействии меня и приняли в эту больницу дворником с окладом 8 рублей в месяц плюс два фунта хлеба в сутки и один раз в день горячая пища.

Жили мы, числом двадцать человек, все в одном помещении, в сером каменном здании внутри больничного двора. Плотно расставленные кровати, да посредине грубый стол метра в три с двумя такой же длины скамьями – вот и вся наша обстановка.

Мои коллеги-дворники были псковские, новгородские и смоленские, все 25–30 лет, только один был старичок лет 60, Спиридон из Новгородской губернии. Я среди них выглядел еще подростком, поэтому отношение встретил вначале снисходительно-насмешливое. Особенно посмеивались над тем, что я много читаю. Все они были неграмотные, говорили в часы досуга все больше о выпивке и драках. Но пьяными бывали редко – вероятно, потому, что высшая ставка была 11 рублей, на такие деньги и по тем временам в Питере не разгуляешься, а ведь у каждого еще и дома ждут помощи. Несмотря на их насмешливое отношение к газете и книге, мне все же удалось некоторых из них приохотить слушать. Я выбирал для них что поинтереснее, попадалось иногда кое-что от недавних бурных лет, пропитанное вольным духом. Они, как более опытные, дольше жившие в столице, советовали мне быть осторожнее, рассказывали случаи, как за такие читки сажали в тюрьму. В шутку меня прозвали «наш студент».

Еще больше это прозвище укрепило за мной, когда я однажды написал в газету и мою заметку напечатали.

Издавалась в то время там какая-то маленькая вечерняя газета. Ее, очевидно, преследовали, так как у нее почти каждый месяц менялись названия: то она «Вечерняя почта», то «Вечерние новости»¹²⁷ и т. п. Вот в этой газете некто Пружанский¹²⁸, рекомендовавший себя писателем, посвятил большую статью злободневному тогда вопросу о самоубийствах.

В то время самоубийства, особенно среди учащейся молодежи, были очень частыми, обычно по причине разочарования, вызванного разгромом революционного движения. Много самоубийств было и на почве безработицы, безысходной нужды. Были случаи, когда глава – кормилец семьи убивал жену, детей, а потом и себя¹²⁹.

Писатель Пружанский в своей статье всех самоубийц назвал ничтожными людишками, которые, мол, придя в жизнь, ждали, что их ждет веселая поездка или сплошная масленица, а когда столкнулись с действительностью, то испугались.

Статья вызвала поток возражений, на которые автор ответил еще одной пространной статьей. И опять возражения, больше всего от студентов, курсантов, словом, учащейся молодежи.

Я с большим интересом следил за этой дискуссией, наконец, не вытерпел, решил написать возражение сам. Привожу свое письмо по памяти.

«Милостивый государь г-н Пружанский!

---

¹²⁶ Мариинская больница – одна из старейших в Санкт-Петербурге, открыта в 1805 году по решению императрицы Марии Фёдоровны (в 1828 году в память о ней больница получила название «Мариинская»). С момента основания больница предназначалась для малоимущих слоев населения. Ныне – Городская Мариинская больница. (Ред.)

¹²⁷ Вероятно, речь идет о газете «Последние новости», издававшейся в Санкт-Петербурге в 1908 году. (Ред.)

¹²⁸ Пружанский Николай Осипович (1846–1918) – журналист, писатель, в начале XX века жил в Санкт-Петербурге, публиковался в периодической печати. В «Последних новостях» вел дискуссионный отдел. Статьи на указанную тематику вышли в отдельной книге «Жизнь или смерть. О самоубийцах» в 1908 году. (Ред.)

¹²⁹ По статистическим данным, число самоубийств в 1880–1900-х годах значительно возросло. В Санкт-Петербурге этот показатель был в 4–6 раз выше, чем в среднем по стране. В 1905–1909 годах 26 % случаев самоубийств в российских городах были связаны с социально-экономическими причинами (безработица, нужда), 28 % – с романтическими и семейными отношениями, 17 % – с общественно-политическими причинами. (Ред.)

Желательно бы, чтобы Вы, прежде чем бросать презрительно оскорбления по адресу всех самоубийц, испытали бы на себе то, что толкает их на этот ужасный последний выход.

Вы пишете, что все самоубийцы – ничтожные людишки, ждавшие от жизни веселой поездки или сплошной масленицы. Судя по Вашим статьям, Вы не имеете ни малейшего представления о тех мечтах мыслящей молодежи, какими она жила в годы революции, и о том разочаровании, которое постигло ее теперь.

Вы не имеете представления о переживаниях человека, который месяцами ищет хоть какой-нибудь работы, чтобы спасти от голодной смерти себя и семью, а потеряв всякую надежду найти ее, бывает вынужден решиться на единственную оставшуюся в его распоряжении развязку.

Не думаете ли Вы, что кто-нибудь с удовольствием лишает жизни себя, а тем более – своих детей и жену? Неужели Вы, господин Пружанский, не видите, что каждый день на улицах Петербурга люди падают и умирают от голода?

Мне кажется, г. Пружанский, что, хотя я и не писатель, а только малограмотный дворник, но лучше Вашего понимаю этих людей, потому что я сам переживал и переживаю состояние, близкое к ним. И если я до сих пор еще не покончил с жизнью, то только потому, что я – трус, я слишком боюсь смерти. Дворник Юров».

Когда я увидел эту свою первую (и последнюю) статью напечатанной, я от восторга не чувствовал под собой ног, несясь от газетчика в свою дворницкую. Стараясь не показать свою радость, прочитал ее своим коллегам, которые благодаря мне были в курсе этой дискуссии.

Посыпались одобрения:

- Вот так здорово кто-то отчистил, так прямо и написал, что люди умирают от голода!
- Вот царю бы показать эту статью, небось, поверил бы, каково нам жить.
- А поди-ка он не знает этого! – говорили другие.

Когда же я им сказал, кто автор статьи, то они сразу не поверили. Я указал на подпись, а среди них были все же такие грамотеи, которые могли по складам разбирать отдельные слова. И когда они убедились, что писал действительно я, то обрушились на меня с восхвалениями. И с этой поры я уж пользовался их полным уважением.

Должно быть, этим объясняется, что меня не избили во время одного происшествия. Однажды, по случаю смерти какой-то купчихи в нашей больнице нам было дано несколько рублей на помин ее души. Наши ребята, разумеется, купили на эти деньги водки и напились вдрызг. Я, конечно, в пьянке не участвовал и часов в 9–10 вечера улегся было спать.

В это время входит к нам торговец-разносчик и предлагает моим пьяным коллегам свой товар: рубашки, брюки, белье. Они начали «смотреть» товар, при этом сознательно мяли его. Торговец запротестовал. Им это не понравилось, торговца начали толкать, угощать тумаками, завязалась свалка.

Я наблюдал за всем этим и вдруг, не вытерпев, вскочил в одном белье с кровати, перепрыгнул через стол, бросился в свалку, заорал на драчунов и начал их расталкивать.

Результат превзошел все ожидания: в один миг все «покупатели» рассыпались по своим кроватям, и мы с торговцем остались на поле сражения вдвоем.

Поочувхавшись, торговец обратился ко мне с просьбой: «Господин хороший, проводи меня, пожалуйста, до ворот». Во дворе было темно, а наше жилище от ворот далековато. Как я ни уверял его, что больше бояться нечего, он, перетрусивший, умолял проводить его, и мне пришлось одеваться и идти.

Когда я вернулся, все дебоширы уже спали или притворялись спавшими. Назавтра некоторые из них извинялись, другие хмурились и отводили глаза при встрече со мной, им явно было совестно.

В часы досуга иногда эта братва любила помечтать. А так как это были люди, никогда не имевшие денег больше нескольких десятков рублей (да и это бывало только у очень скупых и

тех, кому не нужно было посылать в деревню), то мечты их всегда сводились к деньгам: «Вот бы найти кошелек!» Кто называл сумму в 100 рублей, кто 200–360, самое большее – 500, о большем никто не мечтал. Один намеревался построить на эти деньги в деревне новую избу, другой – купить хорошую лошадь, третий – торговлю завести.

Спросили как-то и меня, что бы я сделал, если бы нашел много денег. Я подумал: а что же, в самом деле, я сделал бы в таком случае? И решил, что я купил бы плугов для всей нашей деревни, чтобы заменить ими сохи. Так и ответил.

Мысль эта явилась неспроста. У нас в то время только начали появляться первые плуги, и наш шушковский кружок старался внедрить в сознание мужиков мысль о необходимости замены сохи плугом. Но пока это дело шло туго. Вот я и подумал, что если бы я мог купить и раздать своим соседям плуги (от даровых кто откажется?), то они на опыте увидели бы их пользу. И тогда сохе пришел бы конец¹³⁰. А кроме того соседи, убедившись в моих добрых намерениях, согласились бы пойти и дальше, перейти на многопольный севооборот¹³¹.

Если я был «на месте», Пудов, как моряк, сумел устроиться в торговый флот, то третий наш товарищ, Бородин, был безработным. Несмотря на то, что он был немного канцелярист, мог писать на «Ремингтоне»¹³², ему не везло, он не мог найти себе никакой работы. Он часто, почти каждый день, приходил ко мне. Я, зная, что у него нет денег на хлеб, делил с ним пополам свои два фунта, а иногда давал ему 15–20 копеек, если они у меня были. 8 рублей в месяц – деньги небольшие, а у меня не хватало терпения, чтобы не купить газету, не сходить изредка в кино. Наконец, иногда я, не выдержав казенного рациона, покупал к чаю ситного или полбутылки молока. Да ведь какая-то и одежонка была нужна. Так что, живя в таком богатом городе, я, проходя по Невскому или Садовой, мог только любоваться роскошными витринами: за это денег не брали.

Мои коллеги жили немного лучше, чем я, потому что они «зашибали на чай». Я же на чай не брал даже тогда, когда мне предлагали, не говоря уже о том, что сам к этому повода никогда не подавал.

Как-то однажды я дежурил у горячечного тифозного. Пришла навестить его жена. Посидела, поплакала над ним (он ее не узнавал, был в бреду), а когда стала уходить, протянула руку, давая мне «на чай». Но я свою руку не протянул. Ей стало неловко, и мне было ее жаль, но я постарался ее успокоить, разъяснив, что я за свой труд получаю жалованье, поэтому «на чай» не беру. Она была моим отказом удивлена и даже обижена. Давала она мне, как я успел заметить, два двугривенных, это почти двухдневная моя зарплата. В то же время я за 20–25 копеек брался дежурить сутки за кого-нибудь из своих товарищей.

Полной противоположностью в этом отношении был мой земляк, тот самый Юров Иван Михайлович. Он был привратником у наружных ворот с Литейного проспекта. Когда к этим воротам подъезжала карета или извозчик с «приличным» седоком, он так остервенело распахивал ворота, как будто пропускал пожарников, и при этом отвешивал поклоны ниже пояса, за что и достаивался милости в виде 10–15–20 копеек. За день он таким образом набирал

---

¹³⁰ Плуг – сельскохозяйственное орудие с широким лемехом для вспашки земли. В Центральной России и на Русском Севере до начала XX века наибольшее распространение имела соха. В отличие от плуга она не переворачивала пласт земли, а отваливала его в сторону. Недостатками сохи были неустойчивость, малая глубина пахоты, необходимость больших физических усилий. Возникшие в 1860-х годах земства пропагандировали преимущества плуга, однако он стоил дорого – от 4,5 до 8 рублей в конце XIX века. Соха обходилась всего в 1,5 рубля. (Ред.)

¹³¹ Начиная с XV века в России наиболее распространенным типом земледелия была система трехполья с делением пашни на три поля, каждое из которых засеивалось сначала озимыми культурами, затем яровыми, а на третий год использовалось в качестве пастбища. На рубеже XIX–XX веков в России пропагандировался переход от трехполья к многополью, при котором посевы хлебов чередовались с посевами трав (например, клевера). При таком севообороте увеличивалось количество пастбищ, что отвечало интересам молочного животноводства. Внедрение многопольной системы затруднялось из-за малоземелья и недостатка агрономических знаний. (Ред.)

¹³² «Ремингтон» – здесь: модель пишущей машинки производства известной американской фабрики Ремингтона. (Ред.)

порядочно. В праздничные дни, как он мне, бывало, хвастал, когда я пробовал высмеивать его холуйство, он набирал рублей по 10–15 – больше, чем я зарабатывал за целый месяц. Вот что значит не чувствовать в себе человеческого достоинства.

Сопоставляя себя с ним, я часто думал: вот он, «зарабатывая» таким образом, имеет возможность приобрести хорошую одежду, на побывку домой поедет с деньгами, будет слыть за умного человека, сумевшего нажать копейку. А что скажут обо мне, когда я опять вернусь без копейки и в потрепанной одежонке? И все же на чай я не мог не только выклянчивать, но и принимать.

Через несколько месяцев моей работы начальство заметило, что я непьющий, и мне предложили место швейцара на подъезде главного корпуса. Зарплата тут была 30 рублей, а чаевые более щедрые, чем у ворот. Но я, не задумываясь, отказался: ведь мне пришлось бы там помогать раздеваться или одеваться какой-нибудь ожиревшей скотине, кланяться ей и величать баринем или барыней.

Мне хотелось тогда поступить рабочим на какой-нибудь завод, но все попытки в этом направлении не имели успеха: была безработица, проходили увольнения. Если и брали иногда новичков, то только с «хорошими» рекомендациями, вполне благонадежных.

Через какое-то время меня перевели из дворников в служители при амбулатории. Кроме меня такими служителями были еще двое поляков. Они, как мой земляк, наперебой старались «услужить» пациентам, чтобы заработать «на чай». Со стороны я видел, что часто посетители были недовольны тем, что они лезли к ним с ненужными и непрошеными услугами – принять и повесить пальто и прочее. В амбулаторию ходил большей частью рабочий люд, не денежный, но делать нечего, приходилось за оказанную услугу раскошелиться. Мое отвращение к чаевым тут еще более укрепилось.

Кроме нас троих, дежуривших по коридору, в каждом кабинете при враче была девушка, называвшаяся «хожатой»¹³³. С одной из них у меня завелась дружба. Была она очень маленькая, стройная, с правильным лицом, несколько суженным книзу, с прямым, тонким носом. Звали ее Леной, а отчество и фамилию я так и не узнал, но помню, что была она из Псковской губернии.

Дежуря в коридоре, я, пользуясь каждой свободной минутой, что-нибудь читал. И поэтому иногда забывал о своих обязанностях, в числе которых была и такая – заходить изредка в комнатку в конце коридора и подкладывать там в печку дрова, поддерживая огонь во все время приема больных, так как тут кипятилась вода для нужд лечения. Не раз, оторвавшись от чтения, я думал по времени, что в печке, наверное, все погасло, но, к моему удивлению, находил всегда все в порядке. Отчего это, думаю, в этой печке так медленно горят дрова?

Но вот однажды, заглянув в комнатку, я увидел, что Лена сует дрова в печку.

– Так, значит, это ты за меня подкладываешь дрова?

– Да, я. Вижу, ты увлекся книжкой, можешь забыть и оставить прием без кипятку, тебе бы за это попало.

Я был очень ей благодарен, но из-за своей застенчивости не смог даже выразить свою признательность. Все же после этого первого разговора у нас началось знакомство. Она спрашивала, что я люблю читать, говорила, что тоже любит чтение – в основном около этого предмета и велись наши разговоры.

Но вот однажды она попросила меня зайти к ней на квартиру, починить стол. Я было стал отнекиваться, мол, я плохой столяр, но она сказала, что починка требуется небольшая и для этого вовсе не нужно быть столяром.

Вечером я приумылся, надел почище рубашку и новые матерчатые брюки, купленные у разносчика за 75 копеек, и отправился к ней. Жила она не в отдельной комнате, а вместе с другими тремя девушками. Хотя это было подвальное помещение со сводчатым потолком, я

---

¹³³ Хожатый – тот, кто ухаживает за кем-то, в данном случае – за больными. (Ред.)

был поражен чистотой и опрятностью их жилища: чистые, накрахмаленные занавески, такие же салфетки на столиках и простыни на койках – все это было для меня непривычно и я, войдя, растерялся и остолбенел у двери.

Но Лена своим простым приглашением проходить ободрила меня, и я прошел в ее уголок. У ее кровати был маленький столик, на нем шипел тоже маленький самоварчик, собран был чай. На тарелках лежал нарезанный ситный и печенье. Она придвинула табуретку, пригласила сесть, но я не решался.

– Где же стол, который я должен починить? – спрашиваю.

– Ладно, – говорит, – ты со столом не торопись, вот садись, попьем чаю, а потом и за дело примемся.

Пришлось сесть. Конечно, это не было мне неприятно, но проклятая застенчивость сковывала меня, я не в силах был держать себя свободно, непринужденно. Но хозяйка моя была на редкость тактичной, посоветовала не стесняться, придвинула чай и закуски и завела разговор о книгах.

Через некоторое время я заметил, что соседки Лены куда-то исчезли, мы остались в комнате вдвоем, пили чай и разговаривали о книгах. Я чувствовал себя на седьмом небе. Она не была красавицей, но очаровывала меня своей простой внешностью, простотой и непринужденностью в разговоре. Она говорила со мной как с человеком своей семьи, без всяких ужимок. Я не умею выражать своих мыслей, но тогда от ее присутствия я почувствовал такую теплоту, такой уют, что мне захотелось, чтобы это длилось долго-долго.

Но приличия требовали уйти вовремя. Напившись чаю, я опять спросил о столе, но она, усмехнувшись, сказала, что стол еще не сломался и что позвала она меня к себе посидеть и поговорить, а стол был только предлогом: ведь иначе я, пожалуй, не пошел бы.

Итак, мы с ней попрощались, и я пошел в свою казарму. После этого, пока я жил в больнице, мы были с ней хорошими друзьями. Она давала мне книги, и разговоры наши также вертелись около книг. Про себя я часто мечтал, как и после встречи с Марией Николаевной, что если бы я мог найти работу, которая позволила бы мне жениться, то какой хорошей женой могла бы быть мне Лена!

В это время я все чаще подумывал о будущей семейной жизни, особенно когда сталкивался с такими вот симпатичными девушками. Но меня ничуть не привлекали случайные связи, происходившие на моих глазах между парнями и девицами, которых в больнице работало больше двухсот. Мне становились отталкивающими самые хорошенькие девушки, если я замечал, что они проявляли кокетство, легко сближались с парнями. А девицы, предлагавшие себя за деньги, вызывали во мне физическое отвращение.

Кстати, о Марии Николаевне. Я часто ходил к дяде, и каждый раз мне хотелось встретить ее, но это случалось редко: она, как в то время и почти каждая прислуга, была занята едва ли не круглые сутки и каждый день. Поэтому мне лишь изредка удавалось ее встретить, когда она шла за покупками для хозяев. Но и тогда мы с ней стояли на улице не больше 5–10 минут: она боялась, что хозяева будут ворчать, если она проходит долго.

Дядя иногда заговаривал со мной о ней: она, мол, хорошенькая, но уж очень смирна, не смела. Я в таких случаях разговора не поддерживал, боясь, что он перейдет на сальности, что с ним, старым холостяком, случалось нередко. Он иногда рассказывал мне, как о самой обыкновенной вещи, о том, как он брал уличных девок и что с ними проделывал. Мне от его рассказов было неловко, поддерживать такой разговор я не мог.

Однажды он обратился ко мне за советом, как ему быть. С улицы брать девок, говорит, стал что-то бояться, не заразиться бы, а из прислуг вокруг мало таких, с которыми можно сойтись надолго. Я порекомендовал ему одну из наших «хожатых», с очень смазливой лицом, ростом повыше среднего, довольно стройную, но не худую. В обращении с ребятами она дер-

жала себя очень развязно, за ней многие «ухлястывали», но имел ли кто-нибудь успех – не знаю.

И случилось так, что с дядей они быстро сошлись, а вскоре эта Феня забеременела. Дядя нашел акушерку, которая согласилась сделать аборт (они были тогда запрещены)¹³⁴, но аборт не удался, Феня надолго заболела. Тогда дядя из чувства долга решил на ней жениться. Это он-то, слывший среди знакомых неисправимым холостяком, часто говоривший, что жениться – значит плодить нищих, вдруг на склоне лет обзавелся женой, а вскоре и детьми.

Мой друг Иван Дмитриевич, влача жизнь безработного, как-то разведал, что можно получить какие-то деньги за брата-матроса, погибшего в Цусимском бою. Достал с родины от отца нужные документы и получил что-то около 300 рублей. Я вначале об этом не знал, но заметил, что у него появились деньги: он стал курить дорогие папиросы.

Потом он несколько дней ко мне не приходил, а придя снова, попросил рублей пять взаймы. Денег у меня не было, но я пообещал их ему на следующий день, надеясь занять у дяди. Дядя-то мне и рассказал, что мой друг получил уйму денег и проиграл их на скачках. А потом, чтобы отыгратья, выпросил 50 рублей у своего крестного Акима Ивановича, сказав, что деньги нужны для внесения залога ввиду поступления его на должность (были тогда такие должности, на которые поступали с залогом), и эти тоже проиграл.

Просил он и у дяди, но тот сумел вырвать у него полное признание, а узнав, на что нужны деньги, отказал. Он советовал и мне поступить так же, но я сказал, что не могу этого сделать. Тогда дядя ссудил меня нужной суммой, и на завтра я вручил ее Ивану Дмитриевичу.

Он сказал мне, что эти деньги нужны ему на приобретение револьвера, так как он вступает в шайку экспроприаторов (тогда таких было немало)¹³⁵. Говорил он это с таинственным видом, но я, конечно, только делал вид, что верю ему.

Через день я получил от него письмо, в котором он писал, что если я хочу с ним встретиться, то должен придти в такую-то чайную на такой-то улице и смотреть налево от входа за третьим столом. Не правда ли, какая тонкая конспирация! В указанное время я пришел и нашел его на условленном месте, он пил чай. Попил с ним и я, поговорили кое о чем, попрощались и больше в Питере мы с ним не виделись, позднее встретились уже на родине.

Каким-то образом, теперь уже не помню, мне стало известно, что Шушков Илья Васильевич тоже в Питере, на Васильевском острове, учится в учительском институте. Я разыскал его квартиру. Он жил в комнате, похожей на гостиничный номер, с одним окном, у которого стоял стол, заваленный книгами и тетрадями. У стен стояли две кровати. У стола на единственных двух табуретках сидели Шушков и его товарищ, тоже учившийся в институте.

Встретил меня Шушков по-товарищески приветливо. Мы оживленно разговорились о совместной нюксенской работе. Он рассказал, как удалось ему поступить учиться, а я рассказал, как живу. Но это была наша единственная встреча. Вскоре я из Питера ушел, а его арестовали за нюксенские дела и посадили в Кресты (так называлась известная тюрьма для политических). Об этом я узнал, когда волею судеб опять оказался на родине.

Живя в больнице, получая нищенскую зарплату, я не видел перед собой никакой перспективы: я мог тут только кой-как кормиться и, покупая старье на толкучке, кой-как одеваться. Не было надежд на улучшение и впереди, ничему научиться тут я не мог.

Все это заставило меня принять отчаянное решение – рассчитаться.

---

¹³⁴ Согласно российскому законодательству начала XX века, женщине, сделавшей аборт, грозило лишение свободы на срок до трех лет. Такое же наказание предполагалось и для лица, способствовавшего прерыванию беременности. Врачу за аборт грозило лишение практики на пять лет. Легализация аборт в России произошла уже при советской власти. (Ред.)

¹³⁵ В период Первой русской революции в России участились случаи вооруженных ограблений. Термин «экспроприация» использовался боевыми группами разных политических партий, занимавшимися вооруженным грабежом по идеологическим соображениям и для пополнения партийной кассы. После окончания революции банды пополнялись безработными, попавшими в «черные списки» зачинщиков забастовок. Не имея шанса получить новую работу, они занимались грабежом и вне зависимости от политических убеждений. (Ред.)

А рассчитавшись, я с двумя рублями в кармане опять отправился куда глаза глядят, искать квартиру и работу. Квартиру нашел довольно скоро, на улице, называвшейся, кажется, Боровой. Хозяйка, приветливая старушка, сказала, что за три рубля в месяц она может дать мне угол. Она не спросила даже паспорт, хотя я сказал ей откровенно, что нигде не работаю и не знаю, скоро ли найду работу. «Ничего, найдешь как-нибудь», – успокоила она меня и денег за квартиру вперед не спросила.

В коридоре на ящиках она соорудила мне постель. Своего у меня, кроме нескольких пар старенького белья, худенького пиджака, таких же двух брюк, потрепанного пальто, купленного за пять рублей на Александровском рынке, худой шапки и рваных ботинок, ничего не было.

Квартира была населена небогатыми жильцами. Было в ней до шести маленьких комнат, но жильцы все были угловые, по несколько человек на комнату. Только одна женщина жила в отдельной комнате, ее дверь была напротив моей «кровать».

Эта женщина материально была обеспечена много лучше других обитателей квартиры, в сравнении с ними выглядела аристократкой. Но вскоре я узнал, что достаток ее – от «гостей», которых она приводит в свою комнату с улицы¹³⁶. И я почувствовал себя на своей квартире весьма неуютно, соседка эта вызывала во мне неодолимую брезгливость.

Остальные жильцы были большей частью мужчины-одиночки. Кто чем занимался, я так и не узнал. Так как денежные дела мои были не блестящи, я с первого же дня стал поговаривать с соседями насчет работы. Но прошло 5–6 дней, а работы не находилось. А из больницы я ушел, не посоветовавшись с дядей, и решил больше к нему не ходить.

Один из соседей пригласил меня заняться с ним под его руководством торговлей шнурками для ботинок. Не имея другого выхода, я вынужден был согласиться и на это. На следующее утро мы с ним отправились. Сначала в какой-то квартире на Садовой мы взяли по сотне шнурков, по два рубля с полтиной за сотню. Деньги заплатил, конечно, он. Потом привел меня на бойкое место и, дав указания, как нужно торговать, оставил одного.

Я видал, конечно, как работают торговцы такого рода. Они громко кричат на всю улицу: «А вот шнурки для ботинок, пара пять копеек!» – и едва не в лицо суют прохожим эти шнурки. Увы, я так не мог. Я стоял на тротуаре, прижавшись к стене, чтобы не мешать проходящим, и изредка робко пробовал обратить их внимание на себя, вернее, на свой товар. Но как только кто-нибудь на мой возглас оглядывался, мне становилось неловко, и я отводил глаза.

Ну, и, конечно, в результате я продавал две-три пары в день, тогда как мой коллега успевал продать сотню, а то и больше, зарабатывая 2–3 рубля, что по тому времени было совсем неплохо.

Поторговав так три или четыре дня, я отступился. Другой работы не предвиделось, и мне оставалось одно – пешком выбираться из Питера, так как денег не было ни копейки. Но надо было еще решить, куда идти. Может быть, я найду какую-нибудь работу в сельской местности? Домой меня в таком положении, конечно, не тянуло.

Возвращение

Квартирохозяйка денег с меня не потребовала, и, собрав свои манатки, я отправился из столицы, как тогда говорили, на липовой машине с березовым кондуктором. К вечеру пришел в Колпино и решил тут переночевать. Завернул в чайную и тут же продал одну рубашку за 15 копеек. За гривенник поужинал, а за пятак хозяин разрешил мне в чайной переночевать.

---

¹³⁶ С 1843 по 1917 год проституция в России была легальной. Женщины этой профессии находились под полицейским и врачебным контролем. Им выдавался медицинский билет, содержащий отметки врача о прохождении медосмотра, проститутки платили пошлину в казну. (Ред.)

Утром я пошел на вокзал и забрался в пустой товарный вагон, предварительно узнав, что этот состав пойдет на Чудово¹³⁷. Но перед отправлением в вагон заглянул кондуктор.

– Ты чего тут забрался? – грозно крикнул он.

Я стал упрашивать его, чтобы он разрешил мне доехать до Чудова.

– А деньги у тебя есть?

Я сказал, что денег нет, но я могу предложить брюки.

– А ну, покажи, что за брюки.

Я поспешно извлек из котомки запасные штаны и протянул ему, стараясь не показывать заплата на задней части, чтобы он не забраковал их и не выгнал меня из вагона. Но он, брезгливо развернув их, увидел заплата и бросил мне обратно со словами: «Ну тебя к черту с твоими брюками». Я самым жалобным тоном стал просить его не выгонять меня. «Черт с тобой, сиди», – сказал он, вылез из вагона и закрыл дверь. Так я и доехал до Чудова единственным пассажиром на целый вагон, а может быть, и на поезд.

Почему мне нужно было непременно на Чудово? Дело в том, что доктор в больнице говорил мне, что хорошо бы полечиться в Старой Руссе¹³⁸. Нога моя не переставала болеть и я, убегая из Питера, решил пробраться в Старую Руссу в надежде, что мне посчастливится устроиться при тамошнем лечебном заведении хотя бы сторожем и полечить свою ногу.

Но ничего из этого, конечно, не вышло. Виною тому скверная особенность моего характера: пока то, к чему я стремлюсь, далеко по расстоянию или по времени, я строю планы сделать так-то, изложить свою просьбу так-то, а как только приближаюсь вплотную, решимость меня оставляет, и я нахожу совершенно невозможным обратиться с заготовленной просьбой. Но так было только тогда, когда приходилось просить за себя. Если же дело касалось других, я мог быть и настойчивым и требовательным. Так что дело тут, по-видимому, не в трусости, а в чем-то ином. Мне просто казалось, что я не имею права на то, за чем хочу обратиться. Вот хотя бы в этом случае: разве я один болен, ведь крутом тысячи людей, которым нужно бы лечиться в Старой Руссе, в Крыму или на Кавказе, но они этой возможности не имеют. Почему же я должен быть исключением? Я думал, что просто покажусь смешным со своей просьбой. Поэтому, дойдя до Старой Руссы, я даже не нашел это лечебное заведение, а двинулся дальше – на Валдай, на Тверь, на Ростов. Путешествовал я таким образом апрель, май и июнь¹³⁹

---

¹³⁷ Чудово – город в Новгородской губернии, станция на железной дороге Москва – Санкт-Петербург. (Ред.)

¹³⁸ Старая Русса – город в Новгородской губернии, известный с XIX века своими минеральными водами и лечебной грязью. (Ред.)

¹³⁹ Иван Юров прошел пешком не менее 1200 км (Чудово – Старая Русса – Валдай – Тверь – Талдом – Ростов – Ярославль – Бакланка). (Ред.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.